

Олег ТИХОМИРОВ

**В ТУ ПОРУ СУРОВУЮ
В КИЕВЕ ...**

20 коп.

**ДЛЯ ВАС, РЕБЯТА,
В СЕРИИ «ЮНЫЕ ГЕРОИ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Бережной И. В пятнадцать мальчишеских лет.
Большак В. Проводник в бездну.
Черняк С. Томка-подпольщица.
Авраменко А. Гонцы из неволи.
Етекбаев М. Болатбек.
Кеккелев Л. Землячок.
Шевелев М. Берег был виден.

Олег ТИХОМИРОВ

В ТУ ПОРУ СУРОВУЮ В КИЕВЕ...

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1982

74.22(2)38
Т46

Тихомиров О. Н.

Т46 В ту пору суровую в Киеве... : Повесть. — М.: Мол. гвардия, 1982.—144 с., ил. — (Юные герои).

20 коп. 100 000 экз.

Повесть, посвященная подвигу юного киевлянина, пионера Кости Кравчука, спасшего в дни фашистской оккупации два полковых знамени и удостоенного высокой государственной награды — ордена боевого Красного Знамени.

Т 4803010102—035 061—82.
078(02)—82

ЗКЮП1.1(092)
ББК 74.22(2)38

БОЙ НА ПЛЯЖЕ

Им было хорошо. Даже очень. Во-первых, в реке купались до посинения. Во-вторых, сбегали на спортбазу и выпили там по два стакана лимонада. Правда, Светка выпила один: уже денег не хватило. Но ей больше и не надо. Она меньше всех — семь лет осенью исполнится. А в-третьих, было хорошо потому, что всюду светило солнце, можно плюхнуться животом на песок, прижаться и вбирать в себя его спокойное, ровное тепло. Говорят, такой чистый белый песок нигде больше не сыщешь. Он только здесь, на Днепре. Наверное, так оно и есть, раз говорят.

Костя перевернулся на спину, стал глядеть в небо. Медленно плыли облака. Они то смыкались, то вновь расходились, то как-то растягивались и делались на кого-нибудь похожими.

— Хлопцы, — проговорил вдруг Костя, — смотрите, верблюды.

Трое мальчишек и Светка разом оторвались от песка.

— Где?

— Да вон, — засмеялся Костя, — на небе.

— Сам ты верблюд, — сказал Леня, Костин брат. — Где ж у него два горба?

— Он одногорбый.

— Сам ты одногорбый, — вмешалась Светка. Она

вообще не могла разыскать в небе «верблюда», и ей было обидно, что все его видят, а она нет.

В компанию пацанов Светка затесалась не случайно: она жила на одном дворе с Костей и Леней Кравчуками. Вообще-то она была не киевлянкой, а приехала сюда погостить к соседке Кравчуков — к бабе Степаниде, грузной старухе, которую на Подоле* считали злой и вредной. Мария Фоминична — мать Кости и Лени — со Степанидой ладила. «Как вы с ней уживаетесь?» — сочувственно ее спрашивали. «А что, — удивлялась Мария Фоминична, — нам с ней делить нечего. Чем она хуже других?» — «Ну знаете...» — «Не знаю». — И на этом Мария Фоминична разговор о своей соседке заканчивала. В начале июня к Степаниде приехала племянница с мужем-летчиком и Светкой. На летчика мальчишки заглядывались — стройный, статный, с тремя кубарями на голубых петлицах. На груди блестели две медали. Через день весь Подол знал: одна медаль за Халхин-Гол, другую летчик получил на Карельском перешейке. Братья Кравчуки ходили гордые. Мальчишки у них спрашивали: «На каком самолете он летает, на истребителе?» Леня выразительно смотрел на младшего брата и отвечал: «Военная тайна». — «А пистолет у него есть?» — не унимались мальчишки. Леня, опять взглянув на брата, говорил: «Есть. Целых два. Один в кобуре носит, а другой — дамский браунинг — в кармане». У пацанов разгорались глаза. Особенно действовал на воображение дамский браунинг. «Маленький?» — допытывались они. «Ага! В кулаке можно спрятать. Рукоятка белая, перламутровая». Леня говорил так убедительно, что даже Костя думал: «А может, верно есть? Я-то как же не приметил?...» Но летчик и его жена неожиданно вдруг

* Подол — низинная часть Киева, примыкающая к Днепру.

уехали. Костя видел, как поспешно собирали они вещи. А Светку оставили. Старуха просила их еще остаться хоть на пару дней, хоть на денек, а потом сама объяснила Марии Фоминичне: «Вишь, человек военный, сам себе не хозяин — отозвали из отпуска». — «Время-то нынче какое», — покачала головой мама. Костя потом подошел и спросил: «Мам, а какое нынче время?» — «Беспокойное, — вздохнула мать. — Ну, что ж гулять не идете? И Свету с собой взяли бы. Что ей тут одной скучать?» Так вот и прилепилась Светка к ребятам.

— Вижу, вижу! — вдруг закричала она. — Только это не верблюд, а всадник.

— Какой еще всадник? — не соглашался Ленья. Он был страшный спорщик.

Но его друг, смирный застенчивый Ким, поддержал Светку. Заикаясь, он сказал:

— В-верно, в-всадник.

— Да бросьте, — горячился старший Кравчук, — ничего похожего.

Костя смотрел, как у верблюда вытягивается горб, и впрямь стало казаться ему, что облако превращается во всадника. Ну конечно же: он как бы пригнулся к спине коня и несется вперед. На голове у него папах, сзади развивается бурка...

— Хлопцы, — проговорил Костя, — это Чапаев.

Ленья, как всегда, хотел возразить, но Светка взметнула кверху руки и закричала:

— Ура Чапаеву!.. Ура-а-а!

Костя улыбнулся. Вчера они ходили в кино на «Чапаева», и Светка вскакивала с места и кричала, когда били белых. Да что там Светка! Весь зал, полный мальчишек и девчонок, свистел и топал ногами, когда белые подкрадывались в ночи к чапаевским часовым. Костя тоже свистел. Как хотелось, чтоб услышали часовые, но...

— Ким, — проговорил Костя, — ты сколько раз смотрел «Чапаева»?

— П-пять.

— А я восемь, — сказал белобрысый Сашко, — сегодня опять пойду.

— А я сто! — Светка схватила в кулак горсть песка, яростно бросила его в сторону. — Давайте в Чапаева играть.

— Давайте, — отозвался Костя, — я поплыву, а вы будете стрелять.

Он плавал лучше всех — не зря занимался в клубе «Водник». Даже ребята постарше брали его с собой играть в водное поло.

— Нет, — сказала Светка. — Я не хочу стрелять в Чапаева. Я хочу быть Анкой-пулеметчицей, а?.. — Она окинула всех просительным взглядом. — Ну ребята... А?

— Хорошо, — приподнялся с песка Ленья. — Психической атаки не испугаешься?

— Нет, — тихо ответила Светка.

— Ким, сбегай срежь ветку. — Ленья протянул другу перочинный нож. — Выбери, чтоб на конце загигалась. — И пояснил: — Ну чтоб вроде кочерёжки была.

Послушный Ким побежал к кустам.

«Раскомандовался», — с неудовольствием подумал Костя. Разница у него с Леньей была в полтора года. Но старший то и дело подчеркивал это. Соперничество между братьями было острое. Мать тоже всегда выделяла старшего (особенно когда мальчики были поменьше: отвечаешь, мол, за братишку). Росли ребята без отца. Умер он четыре года назад.

Тем временем Ким принес палку. Он успел и подстругать ее как нужно.

— Ножик у тебя мировой, — сказал он, протягивая палку Лене.

— Спрашиваешь. Каждый день на бруске точку. —

Старший Кравчук придирчиво осмотрел палку, затем вручил ее Светке. — Вот тебе пулемет. Только подпускай поближе. Не трать зря патроны. — Потом он повернулся к ребятам. — А мы будем белогвардейцами-каппелевцами. Падать красиво, — предупредил он, — и не все сразу. Оставшиеся в живых удирают, но тоже не сразу. — И опять спросил Светку: — Не трусишь?

— Нет, — совсем тихо сказала Светка.

— А нам-то ведь тоже нужны винтовки, — спохватился Ленья. — Я мигом.

На этот раз он сам побежал к кустам и вернулся с четырьмя ровными палками.

— Берите, — сказал он. Потом заметил: — Жаль, мать папиросы отобрала. Некоторые каппелевцы с папиросами в атаку шли.

Судя по всему, Ленья стал всерьез готовиться к «психической» атаке. Он посмотрел по сторонам, нашел окурки, оторвал кончик и, сунув «бычок» в рот, постарался придать лицу холодное, волевое выражение.

— Айда! — скомандовал он. Уже на ходу бросил Светке: — Подпустишь на тридцать шагов.

— Может, она считать не умеет, — сказал Костя.

— Сообразит.

И вот «каппелевцы» двинулись в атаку. Как в кино, они выставили «винтовки», стараясь идти в ногу. Их было четверо, но Светка, то есть Анка, видела сотни. Вот они ближе, ближе. Отборные белогвардейцы, идущие на смерть. Некоторые из них (это был Ленья) курили.

— Тра-та-та-та-та... — ударила из пулемета Анка.

«Каппелевцы» продолжали идти. Ни один из них не упал. «Что же это они?» — подумала Светка.

— Тра-та-та-та-та...

Первым повалился Ким. Упал не очень красиво —

на четвереньки, потом лег на бок. Ряд «каппелевцев» сомкнулся.

— Тра-та-та-та-та... — работал Анкин пулемет.

Опять не падают.

Но вот, всплеснув руками и выронив «винтовку», упал Сашко. Это было эффектно. Проходившие по пляжу люди приостановились, заглядевшись.

— Тра-та-та-та-та...

Оставшиеся в живых «каппелевцы» падать не хотели, бежать назад тоже.

Лоб у Светки взмок.

— Тра-та-та-та-та...

— Падай, слышь, — сказал старший «каппелевец» младшему.

— Сам падай.

— Падай, хуже будет.

— Тра-та-та-та-та...

Костя рухнул на живот. «Винтовка» воткнулась в песок. Кто-то из зрителей даже зааплодировал.

— Тра-та-та-та-та...

«Каппелевцы» больше не падали. Они уже были совсем близко. Подошли почти вплотную.

— Та-та-та-та-та... — захлебывался Анкин пулемет.

«Белогвардейцы» шли. Каждый из них курил. В глазах отчаянная решимость.

«Эти уже не побегут, — мелькнуло в голове у Анки. — Все. Теперь конец. Прощайте, друзья. Прощай, Чапаев...»

— Та-та-та-та-та...

В последний момент Леня все же вспомнил про фильм. «Психическая»-то была отбита. Повернуться и убежать Леня не мог: не позволяла гордость...

— Та-та-та-та-та...

Ноги у Лени подкосились, голова откинулась. В глазах качнулось небо с облаками. Оседая, Леня падал на спину, не выпуская из рук «винтовки».

Снова раздалась аплодисменты.

Кстати, падать вперед у Лени уже не было и возможности, иначе он повалился бы прямо на пулеметчицу.

— Ура! — закричала Светка. Исход боя был для нее неожиданным. Перебить всех «капелевцев» даже Анке не удалось: оставшиеся еле унесли ноги. А тут всех под метелку.

Зрители ушли. «Убитые» начали вставать с песка, а Светка все еще кричала «ура!».

И вдруг кто-то наступил ногой на «пулемет» и вмял его в землю. Светка подняла голову. Над ней стоял парень лет пятнадцати. Толстые губы его расплылись в улыбке.

— Ты что! — произнесла Светка. — Я же Анка пулеметчица, а ты...

И ЕЩЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

— А я танк. — Губы парня раздвинулись еще шире. И в подтверждение этих слов он снова наступил на палку-пулемет.

Светка растерянно взглянула на ребят.

— Ладно тебе, — сказал парню Сашко, — связался...

Парень метнул на него короткий взгляд:

— Может, еще что скажешь?

Сашко молчал. Перед ним был Михась Спивак по прозвищу Рыло — известный на весь пляж хулиган, вор и картежник. Рылом его в лицо никто не называл: боялись. А прозвали так потому, что сам он, обращаясь к кому-нибудь, то и дело употреблял это слово. Причем не имело значения, кто был перед ним: приятель, или недруг, или вовсе незнакомый. Он мог подойти к любому пацану и потолковать с ним: «Тебя как зовут, рыло?.. Да сиди, сиди, не вставай, не то опять упадешь... Вот так бы сразу и говорил. По-

годь, а не ты мне должен пятерку?.. Я и не говорю, что ты брал. Ты мне в карты проиграл... Как когда!.. Ну давай, рыло, вспоминай быстро, я тороплюсь». Приходилось «вспоминать». Сильным Рыло не был, но его наглость и уверенность производили впечатление. К тому же его всегда сопровождали дружки. Не захочешь связываться. А еще все на Подоле знали, что из тюрьмы вышел его старший брат — Миня. Правда, пока еще Миня никого не трогал. Отдыхал после отсидки — торчал возле пивных, зашибал «козла», дулся в карты.

— Может, еще что скажешь? — повторил Рыло, все так же улыбаясь. — Чего заткнулся?

Со стороны Рыло выглядел прилично. На нем были белые брюки и голубая футболка со значком «Ворошиловский стрелок» (этот значок он отвинтил с пиджака у какого-то дядьки, пока тот уходил купаться). Белизной сверкали и парусиновые ботинки, начищенные зубным порошком.

Рыло еще сильнее надавил ногой на «пулемет». Палка треснула.

— Я танк, — вновь пояснил он.

Сейчас, хотя Рыло был и один, он все равно упивался своей безнаказанностью: перед ним была десяти-двенадцатилетняя мелюзга. Светка, конечно, в счет не шла, он ее просто перестал замечать.

— Рыло ты поганое, вот ты кто, — сказал вдруг Ленья.

— Что?! — процедил Рыло.

Он кинулся на старшего Кравчука с кулаками, но Костя подставил ногу, и Рыло полетел на землю.

Мальчишки бросились в разные стороны. Задержался лишь Костя. Он знал: единственное спасение — река. Нужно отвлечь Рыло на себя, потом вбежать в реку. А уж в Днепре попробуй поймать.

— Ну гад! — Выплывывая из рта песок, Рыло вскочил и погнался за Костей.

Младший Кравчук бежал к воде. В ушах у него свистел ветер, сердце колотилось как шальное.

— Стой, рыло! — неслось сзади. — Все равно прибью...

«Догонит!» — мелькнуло в голове у Кости. Он стал петлять, как заяц среди кустов.

Рыло споткнулся о корень, чуть не упал, зло выругался. Бежать ему было неудобно: песок набился в ботинки. Он начал приотставать.

Костя оглянулся. Рыло стаскивал с себя ботинки. А там, вдалеке, стояли Ленья, Ким и Сашко. Возле них была Светка. Старший Кравчук поднял руку с Костиной одеждой, помахал: беги, мол, все в порядке. Костя снова припустил. Не останавливаясь, он вбежал в реку, поплыл.

Рыло вошел в воду лишь по колени. Увидев, как Костя плавает, сразу понял: не догнать.

— Попадешься, оторву голову! — закричал Рыло, потрясая кулаком. Постоял, посмотрел вслед, пошел прочь.

Дальше и дальше отодвигался берег. Костя теперь плыл не спеша. Позади остались купающиеся со своей суетой, криком и визгами. Здесь, на середине реки, уже не взлетали над водой мячи, а было тихо, лишь лодки мерно поскрипывали уключинами. Костя мог держаться на воде долго, но подумал, что лучше всего будет попроситься к кому-нибудь в лодку: он все же немного опасался, а вдруг Рыло выслеживает, приплывешь назад и угодишь к нему прямо в лапы. На лодке-то со взрослыми спокойнее возвращаться.

Он направился к лодке, на которой были две молодые женщины. Одна из них — тоненькая, в белой панаме — сидела за веслами, неторопливо гребла. Другая, полная и рыжеволосая, расположилась на корме и загорала, слегка запрокинув голову, на кото-

рой каким-то чудом держался тюрбан из пестрой косынки.

Если все не так,
если все иначе... —

напевала она.

«Скажу, что устал, — подумал Костя. — Пустят. Все равно им спешить некуда». Он уже был метрах в десяти от лодки, когда у той женщины, что сидела на корме, тюрбан все же свалился.

— Верочка, — крикнула она, — не гребите!

Женщина в панаме попыталась поймать косынку веслом, но ничего не получилось. Тогда толстушка сама взяла весло и, перегнувшись, начала действовать. Лодка накренилась, в нее хлынула вода, и через секунду на поверхности реки колыхалась лишь белая панама.

Первой кверху дном вынырнула лодка, затем возле нее появилась Вера. Ухватившись за борт лодки, она принялась вертеть головой и кричать:

— Катя!.. Где ты, Катя?..

Толстушка всплыла несколько поодаль. Она суматошно била руками по воде, ловила воздух широко раскрытым ртом, кашляя и захлебываясь.

— Теть, держитесь! — вырвалось у Кости.

Как держаться?.. За что?.. Казалось бы, прозвучали совершенно пустые, бесполезные слова, но толстушка, уже было опять ушедшая под воду, еще яростнее заколотила руками и опять приподнялась над поверхностью.

Костя устремился на выручку. В клубе «Водник» их не только учили плавать, объясняли, как спасать утопающих и оказывать им первую помощь.

— Теть, я вас поддержу, — Костя приблизился к толстушке, — только не хватайте меня за руки. И ногами работайте, теть.

Но женщина его не слушала. Она ничего не понимала. Глаза у нее были выпучены, изо рта вырыва-

лись булканье и хрип. Двумя руками она вцепилась в Костю, и они тут же пошли ко дну. Костя все же успел сделать глубокий вдох.

Наставления тренера он хорошо помнил. Василий Петрович не устал внушать: не пытайтесь оторвать от себя утопающего, не тратьте силы, погружайтесь, сохраняя спокойствие, он сам вас отпустит, тогда подталкивайте его снизу.

Так все и вышло. Когда они вынырнули вновь, женщина уже не была по воде, она обессилела, рот ее был судорожно приоткрыт.

— Помогите! — кричала та, что ухватилась за лодку. — Помогите...

«Тоже не умеет плавать», — подумал Костя.

К месту происшествия шла моторка.

Костя устал поддерживать толстуху, она сделалась совсем тяжелой, тянула книзу.

— Теть, работайте ногами, — умолял Костя, но она опять увлекла его с головой под воду.

На этот раз Костя еле-еле смог вытолкнуть ее на поверхность.

Моторка остановилась рядом. С нее прыгнули два спасателя, один подхватил Костю, другой — толстуху.

— Не робей, хлопчик, не робей, — приговаривал спасатель, — сейчас все будет в порядке. Не робей.

— Это не я, а тетенька тонет...

— Ничего, говорю, не робей, разберемся.

— Честное слово, не я.

— Молчи, хлопчик...

— Да я сам доплыву.

— Вот так, — произнес спасатель, подсаживая Костю в моторку.

Пока на берегу разбирались, что да как, а врач возился с пострадавшей, Костя решил уйти. Он уже начал было протискиваться сквозь толпу, но кто-то больно схватил его за ухо.

— Что за шум, а драки нету? — проговорил негромко знакомый голос.

«Рыло!»

— Пусти, — Костя попробовал вырваться.

— Куда?.. Пошли сперва потолкуем.

Внимания на них никто не обращал. Все устались на двух женщин и врача.

— Я ей говорила, сиди тихо... — всхлипывала Вера.

Катя лежала неподвижно, лишь чуть вздрагивала. Ей только что сделали укол.

Рыло подталкивал Костю:

— Пошли, пошли. Без тебя обойдутся.

— Плавать не умеют, а туда же — лодку взяли, — сердито проговорила подошедшая пожилая женщина.

— Кто знал...

— Соображать надо.

А Рыло не отпускал, вцепился, как клещ. Ухо затекло, даже звон какой-то слышался.словно из глубокого колодца доносилось:

— Если б не мальчик, поминай как звали.

— Какой мальчик?

— Только что тут был.

— Мальчик!.. — звал кто-то. — Ты где?

— Мотаем отсюда, — зло шипел Рыло.

Пальцы его давили, жгли, кололи. Гвозди, а не пальцы.

— Да вот он!.. А ты чего пристал?

— Мы играем, — улыбнулся Рыло.

— А ну отпусти, — приказал чей-то строгий голос.

Железные пальцы разжались.

— Приходи завтра. Рассчитаемся, — подмигнул Рыло. — Я по воскресеньям добрый.

Костя машинально подумал, что по воскресеньям у него тренировка в «Воднике».

— Жду, как всегда, на пляже, — улыбался Рыло. — До завтра, герой.

— Хлопец, — лез кто-то с расспросами, — а ты как возле лодки оказался?..

— Мимо плыл.

— Ничего себе. На середине Днепра.

— Послушай, — говорил дядька в круглых очках, — я из редакции. Расскажи все, как было. Заметку дадим.

Ухо горело и щемило, хоть плачь. «Водой, что ли, смочить?» — думал Костя.

— Ну рассказывай, — не отставал тот, из редакции.

— Мне домой нужно. Мать ждет. — Костя сделал шаг в сторону.

— Ладно. Ты куда завтра собираешься? Поговорим завтра. Во сколько?

— Завтра мне в «Водник» на тренировку.

— Договорились. В котором часу?

— В десять.

— Отлично. Фамилия твоя как?..

...И никто не знал, что завтрашний день отбросит прочь и пляжи, и тренировки, и вообще все-все привычное и мирное.

Завтрашним днем было двадцать второе июня.

Самолеты со свастикой уже были загружены бомбами для Киева.

ЧЕРНЫЕ СТРЕКОЗЫ

Мария Фоминична, как обычно, пришла домой в восемь. Костя мыл посуду (сегодня была его очередь).

— Поужинали? — спросила она устало. — А где Ленья?

— У Кима. Ему щенка купили. Говорит, от чистокровной овчарки.

— Корову кормили?

— Ага. Мам, а овчарка быстро растет?

— Быстро. — Мария Фоминична скинула туфли, прилегла на диван. — Я минут пять отдохну. Ты помолчи пока.

Хоть и помогали сыновья, а дел все равно было полно. Вот и теперь — нужно и Зорьку доить, и в доме прибраться, и белье замочить — на завтра с утра решила стирку устроить.

Работала Мария Фоминична медсестрой в больнице. Ходила через день, зато пропадала там с утра и до самого вечера. Хорошо, что по таким дням помогала немного баба Степанида: с ней договорились насчет полуденной дойки. Но за это соседка брала две банки молока, от денег отказалась.

На своих ребят Мария Фоминична жаловаться не могла — послушные, учились неплохо. Случалось, что озорничали, да не больше других. Что сделаешь — такой уж народ мальчишки. Леня и Костя были рослыми, крепкими, выглядели старше своих лет. И все же трудно растить сыновей без отца. Ленька вон покуривать стал. Ну отобрала она папиросы, всыпала как следует — и что? Небось опять курит.

— Костя, — позвала она, — сходил бы за Ленькой.

— Будет он меня слушать.

— Скажи, я велела.

Ким Лучанский жил неподалеку — через два коротких квартала. Костя пошел туда без охоты. Мать Кима преподавала литературу и русский язык как раз в той школе, где учился Костя. И сейчас, хотя и каникулы были, она не упускала случая, чтобы не спросить, читает ли он какую книгу, нравится ли, а то и вовсе просила рассказать немножко. Костя дней пять ничего не читал и теперь размышлял, о чем же он будет говорить Розе Семеновне. Так ничего не придумав, он поднялся на второй этаж, позвонил.

Дверь открыл мужчина средних лет, с небольшим животиком. Он был в домашних брюках на широких подтяжках, в руке держал газету.

— Ты к кому? — спросил он, подслеповато щурясь.

— Здравствуйте, Кирилл Львович. Я к Киму. Ленька не у вас?

— Они ушли прогуливать собаку.

— Куда?

— Не знаю. Ты подожди, они скоро вернутся. Заходи, не стесняйся.

Кирилл Львович тоже был учителем, но работал в другой школе. Он провел Костю в комнату, усадил за стол. По радио передавали эстрадный концерт. Пела Русланова:

Валенки, валенки-и,
Не подшиты, стареньки.

— Кроссворды решать любишь? — Кирилл Львович прищелкнул по газете.

Костя пожал плечами.

— А я люблю. Да, ты случайно не знаешь чемпионку по боксу на К?

— Королев.

— Молодец, — обрадовался Кирилл Львович.

— Кто ж его не знает? — неосторожно добавил Костя.

Кирилл Львович произнес:

— Гм... — И взялся за карандаш.

Сердце, тебе не хочется покоя.
Сердце, как хорошо на свете жить... —

пел уже Утесов.

На другие вопросы Костя ответить не смог. Но все равно Кирилл Львович остался доволен.

— Ничего, — сказал он, откладывая газету, — не разгадали два слова. А про цветок из семейства

лютиковых я в понедельник спрошу у Веры Петровны. Вот так! В шахматы играешь?

Спела романс Тамара Церетели, затем оркестр Цфасмана исполнил веселый фокстрот, а тем временем положение Костиного короля оказалось безнадежным.

— Ну что, еще одну? — предложил Кирилл Львович. — Будешь отыгрываться?

— Угу, — без энтузиазма произнес Костя.

Пока разыгрывали начало партии, по радио стали передавать последние известия. Кирилл Львович зевнул вдруг коня. Костя воспрянул духом. Он теперь не думал о том, чтобы поскорее вернулись ребята со щенком, а хотел лишь одного — отыграться.

С улицы пришла Роза Семеновна, поздоровалась, кивнув на радио, спросила:

— Что нового?

— Немцы бомбили Англию. — Кирилл Львович рассеянно смотрел на шахматную доску. — Массированный налет. Много разрушений.

Костя представил, как сыплются из люков бомбы. Он видел это в кинохронике. Самолеты шли рядами и были похожи на больших черных стрекоз.

— В Югославии ожесточенные сражения с партизанами. В Северной Африке бои местного значения.

— Чума, — проговорила Роза Семеновна, — ползет во все стороны.

— Не ползет, а несется, — поправил ее Кирилл Львович. — На танках, на самолетах. — Задумчиво он смотрел куда-то в сторону.

— А где Ким?

— Ушел гулять.

— Кирилл Львович, ваш ход, — напомнил Костя.

— Ах да, мы тут тоже воюем, — улыбнулся учитель. Глаза его оставались печальными. — Вот так! — сказал он и двинул ферзя глубоко в тыл к Косте.

Напасть на ферзя было нечем. Фигуры стояли скованно и беззащитно.

— Предлагаю ничью, — произнес вдруг Кирилл Львович. — Согласен?

В коридоре раздался звонок. С лестничной площадки слышался лай.

— Согласен. — Костя вскочил с места, поспешил к двери.

Щенок был хорош: шустрый, игривый, лапы толстые, уши висели.

— Неужели овчарка? — засомневался Костя.

— Ч-чистокровная, — заверил Ким, — уже отзывается. Дозор!.. Дозор!

Но Дозор потыкался носом в ботинки Кирилла Львовича и напустил возле них лужицу.

Домой братья вернулись через час.

— Да вы что! — накинулась на них Мария Фоминична. — Я их жду-жду, беспокоюсь...

— Не маленькие, — заметил Леня, — ничего не случится.

— Я вам сейчас всыплю «не маленьких», по-другому запоете... Марш в постель.

— Десять часов, мам.

— Кому говорят!..

Костя хотел было сказать, что про него в газете собираются писать, но раздумал: еще задаст мать под горячую руку: спасатель, мол, сопливый нашелся. Уж лучше он покажет газету, тогда сама все поймет.

— Ложитесь. Завтра чуть свет подниму.

Когда свет уже был погашен и Леня, повернувшись к стенке, затих, Костя не выдержал. Он придвинулся к брату и зашептал на ухо:

— Леня, а Леня... Слышишь, про меня в газете хотят написать.

— Приснилось, что ли... Отстань.

Костя отодвинулся. Ну и ладно. Вот прочтут — узнают.

Почему-то долго он не мог заснуть в ту ночь.

А под утро приснился ему страшный сон. Гнался за ним по пятам Рыло. По каким-то улицам и дворам бежал Костя, но Рыло везде его находил. «Дозор! Дозор, взять его!» — кричал Рыло. И Дозор с лаем кидался на Костю. Только Дозор был не щенком, а огромной овчаркой. Вот Костя полез на дерево, чтобы спастись от собаки. Но Рыло подбежал и начал трясти дерево. «Сейчас упаду», — подумал Костя и проснулся.

— Костя!.. Леня!.. Вставайте. — Мария Фоминична тормошила ребят. — Ну вставайте же... Скорей.

Слышались удары грома. Стены вздрагивали.

— Гроза?.. — проговорил Костя.

— Ну скорее же... — Она оторвала сыновей от постели, потащила из дому.

Во дворе они увидели бабу Степаниду. Она прижимала к себе Светку и приговаривала:

— Господи! Что ж такое, господи!

Грохот не прекращался. В воздухе висел гул. Костя задрал голову. Ряд за рядом по небу шли самолеты.

— Маневры, — сказал Леня. — Красиво идут.

Костя вспомнил кинохронику.

— Смотри, — брат дернул его за руку.

От самолетов отделились маленькие точки.

— Бомбы, — похолодел Костя.

— Не бойся, — проговорил брат, — холостые. Они только гремят.

Послышался нарастающий свист. Где-то неподалеку рвануло, и тут же что-то ударилось в кирпичную трубу, отскочив, прогремело по крыше и упало к ногам Марии Фоминичны.

Костя поднял кусок железа с рваными краями.

— Осколок! — Леняка выхватил у него кусок железа. — Мам, он теплый.

Мария Фоминична заплакала.

— Мам, ты что?

Но мать быстро вдруг провела рукой по глазам и закричала резко, непривычно:

— В огород всем... Живо!.. Степанида!.. Светка!..

Мальчишек она с силой потащила за руки. Степанида и Светка бежали следом.

— Скорей... Скорей... — торопила Мария Фоминична.

В огороде легли между грядками.

Костя перевернулся на спину, смотрел.

Черные стрекозы шли девятками. Ряд за рядом. В плотном строю.

— Фашисты... Гады... — шептал Костя.

Когда налет кончился, он сказал дрожащей Светке:

— Ничего. Им твой отец врежет.

— Врежет, — не сразу ответила Светка.

...А Светкиного отца уже не было в живых. В неравном бою под Брестом он сбил вражеского «мессера» в лобовой атаке, но и его самолет был прошит огненной очередью.

ЧЕЛОВЕК В КЛЕТЧАТОЙ КЕПКЕ

Город менял свое лицо. Перемены нес с собой каждый день. Прежде всего ввели светомаскировку. Теперь в темное время не светились окна домов, не сияли неоновые вывески на магазинах. Не зажигали и фонари на улицах. Номера домов тускло освещались синими лампочками. Автомобильные фары были закрашены, заклеены, загорожены; для света оставили лишь узенькие щелки.

На оконные стекла крест-накрест лепили защитные полоски из бумаги или марли. Во дворах и возле подъездов появились ящики с песком и бочки с водой.

На некоторых стенах сделали лаконичную надпись со стрелкой: «В бомбоубежище».

Город с каждым днем становился малолюднее, зато все чаще и чаще по его улицам шли воинские подразделения. Иногда шагали с песней, но больше так, молча, под грохот собственных сапог. Случалось, что проходили по улицам танки, лязгая гусеницами, или фырчали тяжелые грузовики, таща за собой пушки.

Люди останавливались на тротуарах, смотрели на технику, на красноармейцев. Помрачневшие лица киевлян оттаивали, в глазах зажигалась надежда: уж эти остановят немца, уж эти покажут...

— Хлопцы! — кричала какая-нибудь тетка. — Вдарьте ж им, псам, чтоб кровью умылись... Хлопчики...

Солдаты не оборачивались. На их лицах была непоколебимая решимость. Грозно поблескивали винтовки. Неслась маршевая песня:

...Стоим на страже
Всегда, всегда.
А если скажет
Страна труда,
Прицелом точным
Врага в упор,
Даль-не-вос-точ-ная,
Даешь отпор...

С криками устремлялась вслед за солдатами взбужденная пацанва.

Костя и Леня за солдатами не бегали. Братья как-то сразу повзрослели. Они держались ребят постарше, ходили с ними на осоавиахимовские занятия. Там было интересно — изучали винтовку, противогаз, показывали, как тушат зажигалки.

Третьего июля по радио передавали выступление Председателя Государственного Комитета Обороны. Тысячи людей собрались на площадях — слушали го-

лос Сталина. Он закончил словами: «Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

За победу! Как всколыхнуло это слово, согрело, ободрило.

Братья прибежали домой.

— Мам, ты слушала?

Мария Фоминична обняла сыновей.

— Мы победим, мам.

— Конечно, победим.

Она уже несколько раз вместе с другими киевлянами уезжала за город строить оборонительные сооружения. Сто шестьдесят тысяч жителей Киева рыли противотанковые рвы, окопы, устанавливали заграждения из колючей проволоки.

На рекламных щитах и тумбах, где раньше висели театральнo-концертные афиши и программы, появился плакат «Родина-мать зовет!». На нем была женщина с листом военной присяги, за женщиной — лес штыков. Нравился Косте и другой плакат: красноармеец бил страшилищу Гитлера штыком в голову. «Беспощадно разгромим и уничтожим врага», — было написано на этом плакате.

Костя и сам научился рисовать Гитлера: на лоб свисала косая челка, под острым носом щепотка волос — вот и Гитлер.

— Похож? — спрашивал Костя.

— Похож, — смеялись Мария Фоминична и Ленька.

Когда в газетах помещались карикатуры, братья вырезали их, собирали в пакет, хотели делать альбом.

А враг наступал. Продолжались бомбежки. У магазинов стали выстраиваться очереди. Исчезла мука. Начались перебои с другими продуктами. Не хватало мяса, масла, сахара...

В очередях говорили страшные вещи: на захваченных землях фашисты зверствуют, танков и самолетов у Гитлера много — попробуй сдержи. А еще говори-

ли, будто в город засылают немцы диверсантов, русскому и украинскому языку обучены они хорошо, но распознать их можно: они, мол, много расспрашивают — как пройти, как проехать — ну и озираются, конечно, по сторонам, высматривают, а ночью сигналият самолетам, наводят их на мосты и заводы. Говорили, что такого-то дня поймали троих и вчера, мол, тоже одного схватили. Конечно, говорить можно всякое...

А между тем Костя сам видел, как на трамвайных трафаретках, где указываются маршруты, были закрашены надписи: «Завод «Большевик», «Завод «Арсенал», «Вокзал».

Ребятам, ходившим на осоавиахимовские занятия, поручили патрулировать на улицах. Самым старшим дали винтовки и соответствующие документы. Иногда они брали с собой братьев Кравчуков, когда патрулировали на Подоле. Хоть и не подходили по возрасту Ленья и Костя для этого дела, но были смелыми, смекалистами — как же их не взять.

Однажды произошел с ними такой случай. На Оболонской улице к Лене приблизился мужчина в сером костюме и клетчатой кепке, с черным кожаным портфелем в руках.

— Послушай, — сказал мужчина, — как отсюда добраться до центра?

— Как, проще простого. Садитесь на трамвай, доедете до Красной площади. А там до Крещатика близко.

— На трамвае в какую сторону?

— Вон в ту, конечно. — Ленья махнул рукой.

И в это время он услышал, как рядом закашлялся Костя.

— Спасибо, — кивнул незнакомец и зашагал к остановке.

— Поперхнулся, что ли? Давай стукну по спине! — сказал Ленья.

— Это тебя нужно стукнуть. По голове, — сердито зашептал младший брат.

— Ты что?

— Ничего. Мимо милиции нужно было направить. Там бы его и схватили.

— Думаешь, это...

— А то нет. Я тебе мигаю, мигаю, а ты не смотришь, язык распустил. Видел у него кепку? Будь здоров — наверняка заграничная. Пока ты с ним балакал, я все рассмотрел. А портфель! Одни застёжки чего стоят.

Леня оглянулся на незнакомца.

— Догоним?

— Не оглядывайся. Он остановился. Ну догоним, а дальше что?.. Скажем, дядь, мы ошиблись, вам не в ту сторону? Не такой он дурак.

— Вот что сделаем, — решительно проговорил Леня. — Как сядет в трамвай, мы за ним. Только не сразу, чтоб не заметил. Прицепимся на ходу.

— Ну и что?

— Следить будем, вот что.

Костя висел на подножке, вцепившись в длинную деревянную ручку трамвая, и сердце его бешено стучало. Рядом пристроился Леня. Братья то многозначительно поглядывали друг на друга, то смотрели через окно в вагон, где находился незнакомец. Наконец-то! Не кто-нибудь, а они поймали диверсанта. Сколько людей сейчас идут по улице, видят двух мальчишек, повисших на подножке, и никто не догадывается, что...

— Эй, зайцы! Билеты брать будем?.. — послышался голос кондукторши из вагона. — А ну заходите и закрывайте дверь.

Вот уж хуже не придумаешь. Можно было бы, конечно, спрыгнуть, но тогда упустишь «кепку».

Братья переглянулись.

— Ладно, идем, — сказал Леня.

Друг за другом они поднялись на заднюю площадку, задвинули за собой дверь, достали монетки.

— Ишь прилепились, — ворчала кондукторша, взяв деньги и отрывая билеты.

Кое-кто из пассажиров взглянул на ребят, обернулась и «кепка», но братья старались держаться за спиной тучного дядьки. Незнакомец вновь уставился в окно.

— Не заметил, — шепнул Леня.

— Ага, — тихонько отозвался младший.

На второй остановке «кепка» вдруг резко приподнялась и вышла из вагона. Костя бросился следом, но у самого выхода Леня догнал его, сжал плечо.

— погоди. Спрыгнем, как тронется, не то он увидит.

Они прыгнули, когда трамвай проехал метров десять. Опять что-то кричала сердитая кондукторша, но им теперь было не до нее.

«Кепка» вошла в дверь булочной.

— Что будем делать? — спросил Костя.

— Будем смотреть отсюда.

— А может, у него в магазине свои? Выведут через другой ход — и все.

Старший брат поморщился. Верно. Как же такое не пришло ему в голову?

— Хорошо, — сказал он, — я останусь здесь, а ты пойдешь в булочную. Только пристройся за кем-нибудь, не входи один.

— Понятно.

Леня перешел на противоположную сторону и стал наблюдать через окно из книжного магазина.

Кравчук-младший шмыгнул в булочную вслед за двумя женщинами. Незнакомца он заметил сразу: тот стоял в очереди к кассе и, как показалось Косте, крепко сжимал свой портфель. «Что ж у него там? — размышлял Костя, становясь в очередь. — Оружие, взрывчатка или ракетница? И зачем ему в кассу —

выбить чек или передать что-нибудь для кассирши? Нужно бы посмотреть».

Затаив дыхание, он приблизился к «клетчатой кепке». Когда очередь дошла до незнакомца, тот протянул пятерку и сказал:

— Две сайки.

Кассирша пощелкала на счетах, покрутила ручку аппарата, оторвала чек. Чтобы лучше все видеть, Костя придвинулся еще ближе.

— Куда лезешь? — закричали из очереди. — Касса, не выбивайте!

Незнакомец оглянулся. То ли он подумал, что зашумели на него, то ли просто поинтересовался, кому, мол, кричат, но, как бы там ни было, взгляд его упал на Костю. Кравчук съехался и отошел к прилавку, сделал вид, будто что-то рассматривает. «Узнал или нет? Может, не узнал...»

Когда братья вновь сели в трамвай, продолжая свою слежку, Костя сказал:

— Ты знаешь, он меня, кажется, заметил.

— Кажется или точно?

— Точно, — признался Костя.

— Эх ты, — напустился старший, — вот и доверь тебе. Меня бы не заметил.

— Тоже мне невидимка, — не стерпел младший. Некоторое время братья ехали молча.

— Смотри, опять сходит, — старший толкнул Костю локтем.

— Без тебя вижу.

На этот раз «кепка» направилась в аптеку.

— Теперь ты остаешься, а я за ним, — шепнул Ленья. — Только не торчи на виду.

В аптеке они пропадали довольно долго. Но вот вышел на улицу незнакомец, а затем и Ленья.

— Ну как? — спросил Костя.

Кравчук-старший показал оттопыренный большой палец.

— Меня не застукаешь.

— Тебя, тебя... — передразнил Костя. — Что он в аптеке делал?

— Порошки покупал.

— Какие?

— Я почему знаю? Я не высывался, как некоторые.

Теперь братья замолчали надолго. Косте было обидно: ведь он так старался. Но и на себя тоже досадовал: аккуратней нужно действовать, зачем сунулся в кассу.

Снова ехали на трамвае, пока незнакомец не вышел на нужной остановке. Братья следовали за ним по другой стороне улицы, видели, как он два раза останавливался, что-то спрашивал.

— Узнает, как на Крещатик пройти, — сказал Ленья.

Костя промолчал.

Крещатик сильно изменился. Еще недавно он был заполнен нарядной толпой, голубыми автобусами, черными легковыми — «эмками» и «зисами». Теперь людей на нем было мало, вместо легковушек шли зеленые грузовики — полуторки и трехтонки с прицепами. Из-за того, что Крещатик опустел, он казался еще более широким и просторным.

«Кепка» остановилась возле газетного киоска.

— Хочет газету купить, — прошептал Кравчук-старший.

— Догадливый ты, — усмехнулся Костя и связывил: — А может, шнурки для ботинок?

Но Ленья не обратил на это внимания.

— Ишь, — проговорил он, — новостями интересуется.

С недавнего времени газету купить стало нелегко. Их расхватывали в один миг, как только они доставлялись. Тут же, возле киоска, разворачивали, жадно впивались в страницы.

— Стой, — сказал Леня, — дальше не иди. А я посмотрю, чего он там.

Косте оставалось лишь прислониться к стволу дерева и ждать. Как же хотелось самому отправиться к газетному киоску, чтобы все видеть и слышать! Но теперь об этом не могло быть и речи.

После киоска опять двинулись за «кепкой» по Крещатику. И затем снова пришлось Косте смотреть издали, как незнакомец читал приклеенную к щиту газету, а Леня притаился почти рядом, спрятавшись за деда с обвислыми седыми усами.

«Вря он схоронился за деда», — думал Костя. Среди тех, кто стоял возле газеты, дед казался ему самым подозрительным. Наверняка вышел на связь с «кепкой», и усы, конечно, не настоящие.

Неизвестно, сколько бы еще братья Кравчуки следили за «кепкой», но все развернулось вдруг с неожиданной быстротой. Усатый дед переместился, чтобы читать другую страницу газеты, а Леня, не успевший отшагнуть вместе с ним, оказался теперь бок о бок с незнакомцем. Незнакомец, коротко взглянув на Кравчука-старшего, вцепился в него свободной правой рукой — левая сжимала портфель.

— Тебе что надо? — закричал он. — Что вы все время возле меня крутитесь?

— Кто?

— Ты и твой дружок. Я вас уж давно приметил.

Леня рванулся, но хватка у незнакомца оказалась крепкая.

— Не выйдет, — проговорил он. — А ну пошли.

— Куда?

— Куда нужно.

Костя не знал, что делать. Выскочить, подбежать к Лене? Или звать на помощь — собрать побольше людей? Главное, чтобы он не ушел.

Увидев поблизости двух военных, Костя кинулся к ним.

— Вон там... в клетчатой кепке, — заговорил он сбивчиво, — скорей... а то скроется...

При проверке документов оказалось, что «кепка» приехала в Киев в командировку с Урала (уже готовили к эвакуации на восток ряд киевских предприятий).

— Можете идти, Сергей Алексеевич, — сказали ему в милиции, куда он был доставлен вместе с братьями Кравчуками. — Извините за недоразумение. Время такое, сами понимаете.

— Понимаю, — улыбнулся командированный. — А я-то думаю, чего им нужно? Может, на портфель нацелились? Или в карман хотят забраться?

— Да что мы, на жуликов похожи? — возмутился Ленья.

— А я? — проговорил командированный. — На кого?

— Вы другое дело, — ответил Ленья и вдруг тоже улыбнулся. — Вон у вас какая кепочка...

— Ладно, — сказал специалист с Урала, — бывает.

Он расстегнул свой портфель (краешком глаза мальчишки заметили полосатую пижаму, шарф, свитер) и вынул откуда-то из-под самого низа кисет. В кисете оказались кедровые орешки.

— По горсти не помешает? Подставляйте карманы... Да берите, берите — не отравленные. — И приезжий так подмигнул, что сразу стал симпатичным дядькой, чем-то похожим на артиста Крючкова из «Трактористов».

На прощание он всем кивнул и вышел. Потупившись, братья думали — вот уж когда им достанется на орехи.

— Ну что, хлопцы, — сказал старший из милиционеров, — промахнулись?

Кравчуки молчали.

Он подошел к ним, взял за локти, серьезно заговорил:

— Я вам вот что скажу. В таком деле не бойтесь ошибиться. Хуже было бы, если вы прошли мимо. А лишняя проверка никому не повредит. Молодцы, хлопчики. — И совсем другим тоном добавил: — Орешком-то угостите, давно кедровых не пробовал.

ПЕСНЯ

Около трех недель уже гремела война. Лавина танков и самолетов с черными крестами двигалась на восток. За каждую пядь земли билась с врагом Красная Армия, но слишком неравными были поначалу силы, приходилось отступать. Фронт приближался к Киеву. Танковые дивизии генерала Клейста ворвались в Бердичев и Житомир. Приказ за приказом посылал Гитлер своим войскам: скорей захватить столицу Украины. До Киева оставалось совсем недалеко.

Город готовился к отпору. Солдаты и горожане рыли траншеи, возводили заграждения на окраинах. Работа кипела днем и ночью. От дачного поселка Пуща Водица до Мышеловки (пригород, который находится на противоположном конце Киева) протянулся сплошной ров. Огневые позиции были прикрыты заминированными участками, в лесах устроены завалы. Когда для заграждений не хватало колючей проволоки, в ход шли металлические решетки от оград, рельсы, балки, трубы.

Штаб обороны города определял, где строить баррикады и противотанковые препятствия. Создавались отряды народного ополчения и самообороны. На многих заводах начали ремонтировать пулеметы, артиллерийские орудия и даже танки. Сутками не выходили рабочие из цехов, обедали у станка. Паровозоремонтники строили бронепоезда. «Все для фронта!» — с этими словами жил Киев.

Мария Фоминична работала теперь не только в больнице, но и в госпитале. Все заботы по дому легли на плечи Лени и Кости. И хотя дел у них было немало, братья часто навещались в госпиталь к матери. Им выдавали белые халаты, и они тоже ухаживали за ранеными. Случалось, кто-то из лежачих просил написать письмо или почитать книгу, а иной раз хотелось солдатам поговорить с мальчишками о том о сем.

Костя подолгу задерживался возле кровати артиллериста Дубровина. Тот был ранен в плечо, живот и ногу, страшно мучился. Но когда Дубровину становилось легче, сразу же обнаруживался его веселый нрав, артиллерист шутил с сестрами, врачами, подбадривал соседей.

Впервые увидев Костю, утонувшего в белом халате, Дубровин проговорил:

— Смирно, братцы. Главный врач обход начинается.

— Да нет, — смутился Костя, — я просто так зашел.

Раненые засмеялись.

— А коли так, подай кружечку, пить хочется.

Костя налил из графина воды, поднес кружку Дубровину. Раненый сделал лишь один глоток.

— Плохая вода? — спросил Костя.

— Водичка вкусная. Да и у нас на Рязани не хуже.

— Чего ж не пьете?

— Много нельзя. В животе дырка — все равно уйдет. Меня, между прочим, дядя Федя зовут. А тебя как?

— Костя.

— Ну! И моего Костькой. Малость помоложе будет. Ты в какой перешел?

— В четвертый.

— Ну вот, а мой в третий. Из школы какие отметки приносил?

— Всякие.

— И мой всякие, — обрадовался Дубровин. — Ну ты даешь!

Костя неловко улыбнулся: чего уж там «давать», когда всякие. Но было все равно приятно, раз отчего-то понравилось раненому.

— Песни поешь? — спросил Дубровин.

— Немножко.

— Спой «Три танкиста». Мой-то Костя очень любил, думал, я в танке воевать буду, а я вон в артиллерию попал. Ничего, тоже даем прикурить... Ну начинай.

— Спой, — попросили и другие раненые.

— А можно?

— Давай, говорят.

Несмело Костя начал:

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят...

Раненые смотрели на него. Костя чуть смущался. Дубровин подтянул:

На высоких берегах Амура
Часовые Родины стоят...

Так они пели вдвоем, а когда дело дошло до слов:

Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой, —

петь уже начали всей палатой. Лица раненых порозовели. В глазах появился блеск. И совсем дружно, даже как-то по-довоенному весело прозвучало:

И летели наземь самураи
Под напором стали и огня.

Когда песня кончилась, Костя почувствовал, что легче ему стало на душе. Хотя и дают немцы, хоть и близко они совсем, а не победить им таких, как дядя Федя, как все эти раненые, как тот летчик — Светкин отец.

В наступившей тишине он спросил:

— Дядь Федя, а когда ж мы фашистов разобьем?

Не сразу ответил Дубровин. Помолчал. Потом приподнял голову и, глядя Косте прямо в глаза, проговорил:

— Разобьем, сынок. Вот погоди, соберем силы — обязательно разобьем. — Он откинулся на подушку и, уже обращаясь ко всем, предложил: — Давайте, братцы, споем «Священную войну».

Опять зазвучала в палате песня, сперва негромко и не очень стройно:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Но вот подхватили ее все, и песня окрепла, развернулась:

С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

В палату вбежала дежурная сестра, увидела взволнованные, разгоряченные лица.

— Товарищи, перестаньте, — попросила она, — не напрягайтесь, вам вредно. И других беспокоите.

Но песня уже набрала мощь, остановить ее было нельзя.

Пусть ярость благородная...

Из других палат тоже понеслось, сливаясь в одно целое, грозное:

Вскипает как волна-а...

Дежурная кинулась к врачу. Растерянно и торопливо, словно оправдываясь, она говорила:

— Поют. Ничего не могу сделать... Некоторые даже приподнялись. Им же нельзя!

А песня уже гремела. Ее хорошо было слышно и здесь, в кабинете.

Идет война народная,
Священная война.

— Ну что с ними сделаешь? — беспомощно всплеснула руками сестра.

Врач, крутивший в это время диск телефона, опустил трубку.

— Вот и прекрасно, — сказал он. — Раз приподнимаются, значит, им лучше. Значит, выздоравливают. Идите подпевайте. Я бы и сам пошел, нет ни секунды времени — звоню в штаб обороны.

Когда Костя возвращался домой, перед его мысленным взором то и дело возникало лицо Дубровина — бледное, скулы обтянуты, а глаза живые, веселые. От матери и от других раненых Костя знал, что в последнем бою наводчик Дубровин уничтожил три танка.

...Их двигалось семнадцать против четырех пушек. Меткими выстрелами артиллеристы подожгли сразу пять танков и рассеяли пехоту, которая шла за ними. Но и вражеский огонь вывел из строя половину батареи. Гитлеровцы снова полезли в атаку. Еще яростнее заговорили две оставшиеся пушки — один танк завертелся на месте с перебитой гусеницей, другой вспыхнул факелом. Но вот замолчала третья пушка. А последняя — четвертая, — казалось, утонула в шквале разрывов. Из всего оружейного расчета в живых возле нее остался лишь наводчик Дубровин. Раненный в ногу, он продолжал бить по врагу. Загорелся головной танк. Наводчик вогнал в ствол еще один снаряд, но выстрелить не успел: в тело его впились два осколка, а взрывная волна отшвырнула в сторону... Батарея выполнила приказ. Вражеская атака

была приостановлена. Подоспевшие тяжелые танки КВ заставили гитлеровцев откатиться назад...

Костя шел и вспоминал слова Дубровина: «Вот погоди, соберем силы — обязательно разобьем». А еще чудилось ему, будто звучала нескончаемая песня:

Идет война народная,
Священная война.

НА БАРРИКАДЕ

11 июля отдельные дивизии из группы армий «Юг» прорвались к рубежу Киевского укрепленного района. Линия фронта на ближних подступах к городу тянулась по реке Ирпень.

Штаб укрепленного района находился в Святошине, штаб фронта — в Броварах.

На Ирпени враг надолго был вынужден приостановить свое наступление. У защитников Киева было в два раза меньше солдат, чем у гитлеровцев, намного меньше самолетов, танков и пушек, и все же части Красной Армии то и дело наносили контрудары противнику, чтобы измотать и обескровить его. Этими ударами были скованы и основные танковые силы генерала Клейста на шоссе Житомир — Киев, а также в районе Бердичева.

Весть о том, что враг приблизился к городу, не вызвала паники у киевлян. В те тревожные дни двести тысяч жителей Киева вступили в отряды Красной Армии, двадцать девять тысяч — в народное ополчение.

На фабриках, заводах и городских площадях проходили митинги.

— Мы готовы в любое время вместо зубила и молотка взять винтовку, сесть в танк, стать к пушке, — говорили рабочие паровозостроительного завода.

— Если фашисты прорвутся, мы все до единого выйдем на баррикады, — сказал старый механик с завода «Ленинская кузница».

Быстро сделали свой бронепоезд рабочие и на Дарницком вагоноремонтном заводе. Провожая его в бой, они об одном лишь просили своих товарищей:

— Крепче бейте фашистских гадов.

В городе создавались партизанские отряды и подпольные организации. Один из них, где было больше рабочих с «Арсенала», назывался «Победа или смерть».

Новые и новые баррикады возводились на перекрестках города. Строить их выходили все. Много было женщин и подростков. Работали на баррикадах и братья Кравчуки.

* * *

В тот день, о котором пойдет речь, Костя и Леня трудились на баррикаде, где всем распоряжался высокий седовласый старик с тонким прямым носом и прокуренными усами. Его худощавое тело ладно облегалась потертая спецовка. Помощником у него был молодой сапер.

Когда ребята подошли к этой баррикаде и спросили, что им можно делать, сапер взглянул на них коротко и бросил:

— Дуйте отсюда, хлопцы. Нянькаться с вами некогда.

— Да мы же работали на других баррикадах, — возмутился Леня.

— Вот, говорю, и дуйте туда. — На этот раз сапер даже не взглянул в их сторону.

Но высокий старик, очутившийся поблизости, сказал:

— Пусть остаются. Лишние руки нам нужны.

Сапер не спорил: в это время подвезли рельсы, он побежал принимать их.

— Дядь, мы тоже на разгрузку, — рванулись было ребята.

— Стой! — скомандовал старик. — Во-первых, та

работа не для вас: надорветесь. Во-вторых, зовут меня Василь Васильевич. В-третьих, вон берите по тачке, будете подвозить мешки. Все ясно?

— Ясно, Василь Васильевич.

Братья поспешили к тачке.

— Стой! — опять крикнул старик им вслед.

Они остановились.

— Скажите, чтобы больше двух мешков вам не накладывали. После пяти ездов — отдых. Ясно?

— Конечно, Василь Васильевич.

— Тогда начали.

Баррикаду строили из плотно прижатых друг к другу мешков с землей. Кое-где они придавливались сверху рельсами, на которые накладывался еще ряд мешков. Работа была распределена так: одни насыпали в мешки землю, другие отвозили их на тачке к баррикаде, третьи — те, что были посильнее, — укладывали мешки и рельсы под руководством сапера.

У братьев все вначале шло хорошо. Тачки оказались нетяжелые, место, откуда нужно было возить мешки, находилось неподалеку, метров за двести, во дворе. Ребята привезли по одной тачке, по второй.

Леня сказал:

— На нас с тобой как на сопливых смотрят. Все по три мешка возят, а мы с двумя ползем. Выходит, слабаки мы с тобой. — И, подражая высокому старику, закончил: — Ясно?

— Ясно, Василь Васильевич, — подыграл ему Леня.

Когда повезли мешки в третий раз, младший Кравчук закричал:

— Стой!

— Ты что? — спросил Леня.

Теперь уже Костя подделывался под высокого старика:

— Во-первых, — начал он, — мы с тобой не слабаки: не надрываемся. А во-вторых, кто нам с тобой велел ползти?.. Все ясно?

— Ясно, Василь Васильевич, — отозвался Лёня. — Побежали? И посмотрим, кто будет первый. Считаю до трех. Раз... два... три!

Братья толкнули свои тачки. Никому из них не удавалось вырваться вперед. Они бежали ровно, пока старший Кравчук не наскочил колесом на какой-то булыжник, после чего споткнулся и зацепил тачку младшего. Оба упали, тачки их опрокинулись на бок, мешки вывалились.

Поднять эти мешки братья не смогли, пришлось звать на помощь.

— Тяжело, что ли?.. Ноги не держат, отдохните, — сказал старик. — И вот что, возите по одному мешку.

— Да вы что! — не выдержал Лёня. — Разве мы устали? Мы ж бегом старались.

— Во-первых, не возражать. Во-вторых, работайте без суеты. Здесь вам не цирк. Ясно?

Кравчуки опустили головы:

— Ясно, Василь Васильевич.

— Добегались, — произнес сапер, который мимо них тащил в это время рельс. Гимнастерка на нем была мокрая, хоть выжимай.

— Дядь, давайте поможем, — предложил Костя.

— Нет уж, спасибо. Как-нибудь без вас...

После этого небольшого происшествия братьям пришлось несколько умерить свой пыл. Спокойно и аккуратно доставили они несколько тачек. Но хотя и сами напросились помогать, а все же однообразная работа — вози да вози; пропадал дух соперничества, от которого братья никогда не могли избавиться. От короткого отдыха они, само собой разумеется, отказались: разве мог кто-то из Кравчуков первым показать, что он устал. Так и пошло у них без пере-

рыва: из двора — на баррикаду, с баррикады — во двор.

— Молодцы, — похвалил Василь Васильевич. — Отдыхать не забываете?

— Угу, — кивнули братья и покатили за новыми мешками.

Когда прибыли во двор, Леня вдруг сказал:

— Знаешь, я буду по три мешка возить, как все.

— И я, — тут же отозвался Костя.

— У тебя кишка тонка.

— Посмотрим.

— Попробуй только.

— А что ты мне сделаешь?

— В лоб дам.

— А я тебе.

— Хлопцы, будем мешки брать или разговоры разговаривать? — крикнули им из траншеи, которая рылась тут же, во дворе.

— Три мешка, — сказал Леня, подкатив тачку.

И ему положили три мешка.

— Три мешка, — постарался так же небрежно произнести Костя.

Но ему сказали:

— Мал еще. Эти-то доведи.

С понурой головой повез Костя тачку. Досадно было до невозможного. А тачка в самом деле стала вдруг тяжелеть с каждым шагом.

Но и Леня шагал не очень-то бодро. К тому же верхний мешок начал у него сползать. Леня попробовал слегка наклонить тачку на другую сторону, но так везти было неудобно. Когда же он вновь выровнял тачку, мешок свалился. Леня кинулся к нему, вгорячах попытался поднять. Куда там!

— Вот видишь... — начал младший Кравчук, когда поравнялся с братом.

Старший взглянул на него с таким отчаянием, что Костя бросил свою тачку и тоже принялся поднимать

упавший мешок. Они пыхтели, кряхтели, но общих сил хватало лишь на то, чтобы оторвать мешок от земли.

— Что будем делать? — отдуваясь, спросил Костя.

Брат молчал. Да и что он мог сказать: признаться в поражении было для него не легче, чем поднять злополучный мешок.

— Может, скажем, что ты не хотел? — предложил Костя.

— Как не хотел?

— Ну не заметил. Тебе третий по ошибке положили, а ты не заметил.

— Смеешься? — Леня метнул на брата негодующий взгляд. — Помолчи уж...

— Эй! Что у вас там? — закричали с баррикады.

Пришли какие-то люди, плюхнули мешок на тачку и сами повезли.

Леня шагал хмурый, подавленный.

Василь Васильевич рассердился.

— Вот что! Ты останешься, — он показал на Костю, — а ты, — кивнул он старшему Кравчуку, — можешь идти. Такие циркачи нам не нужны.

Леня совсем поник. Молча стоял, водил носком ботинка по земле.

— Ну иди, — сказал ему старик, — тебе говорят.

Еще ниже опустилась голова у Лени.

Костя почувствовал, как от жалости к брату и у него защекотало в носу.

— Дядь, — произнес он, — Василь Васильевич...

— Чего тебе?

— Как он уйдет... — Костя ощутил вдруг, что преодолел скованность, и заговорил горячо и торопливо: — Нельзя ему уходить. Куда же он пойдет без меня...

— Ты тут при чем? — удивился старик.

— Да мы с ним братья.

Конечно, этот факт сам по себе не объяснял, почему нужно было простить старшего. Но Костина горячность как-то подействовала на Василь Васильевича.

— Ладно, — сказал он, — только чтоб без накладок. Людей у нас нет бегать за вами. Каждая минута на счету, а вы... В общем, сами понимаете. Ясно?

— Ясно, Василь Васильевич, — ответил за двоих Костя и толкнул брата локтем. — Бери тачку, пошли.

Когда работа на баррикаде уже заканчивалась, возле нее остановилась «эмка», перекрашенная в зеленый с разводами цвет. Из машины вышел в сопровождении адъютанта военный с четырьмя шпалами в петлицах. Он был среднего роста, лысоватый, с небольшими черными усиками.

— Кто здесь старший? — спросил он и, когда подошел старик, представился: — Полковник Баграмян.

— Остапенко Василь Васильевич. Кадровый рабочий.

Полковник поинтересовался, кто работает на баррикаде, и старик ответил, что здесь почти все с «Ленинской кузницы». Не без гордости сообщил он, что уже строил баррикады раньше, когда в Киеве шли бои с Петлюрой, потому и доверили ему такое дело.

— Справляетесь? — спросил полковник. Взгляд у него был твердый, устремленный на собеседника, но в темно-карих глазах проглядывала и доброта.

— Так точно, справляемся. Помощник у меня очень толковый. — Старик показал на молоденького сапера.

Сапер вытянулся, щелкнул каблуками. Полковник слегка улыбнулся, кивнул головой: вольно, мол, продолжайте работу.

Но уже подошли все, кто был неподалеку, окружили. Так и посыпались вопросы:

— Товарищ полковник, какое положение на фронте?

— Сил-то у нас хватает?

— А верно, что немец совсем близко?

Полковник оглядел всех внимательно. Перед ним стояли женщины, старики, подростки. Как бы хотелось сказать: все хорошо, товарищи, враг отступает, гоним фашистов с нашей земли.

Много глаз уставилось на полковника. Черные, голубые, серые. Широко раскрытые и чуть прищуренные, с блеском и потускневшие. И все требовали — скажи...

А сказать можно было лишь одно — правду.

— Враг близко, — произнес полковник. — Войска наши ведут непрерывные бои под Коростенем, контратакуют противника во фланг и тыл. Не жалеем сил, чтобы отбросить гитлеровцев из Бердичева. Положение очень трудное. Однако гарнизон Киевского укрепрайона сумел остановить вражеские танки в двадцати километрах от города. Поверьте, товарищи, мы сделаем все возможное.

Полковник за руку попрощался с Василь Васильевичем.

Одна из женщин проговорила:

— Не обижайтесь, товарищ полковник, что мы все расспрашиваем. Мы вам и так верим. — И тихо добавила: — У меня муж на фронте.

— Дай-то вам бог, — сказала полковнику другая, — два моих сына сражаются.

Василь Васильевич кашлянул, провел рукой по седой щетине:

— На нас в случае чего тоже можете положиться. Драться будем до последнего.

«Эмка» с военными уехала. Василь Васильевич, женщины, молодой сапер, братья Кравчуки проводили ее взглядом. Никто, конечно, и предположить не мог, что встретились они с будущим прославленным маршалом Иваном Христофоровичем Баграмяном.

— Ну что, хлопцы, — сказал Василь Василье-

вич, — забираем последние мешки, и дело сделано. — Он вдруг погладил Костю по голове.

Младший Кравчук смутился, поспешил к своей тачке.

ОТВОЕВАЛСЯ

Вечером к Кравчукам пришел Ким.

— У вас л-лишняя л-лопата есть?

— Есть. Зачем тебе?

Ким рассказал, что завтра учителя и старшеклассники идут копать траншеи. Но лопат на всех не хватает, поэтому просили, у кого есть, прихватить с собой.

— А у нас одна только, — закончил Ким. — В-выручайте.

— Дадим, — сказал Леня. — Знаешь, я нашел на чердаке два старых журнала. Называются «Тридцать дней». С кроссвордами. Передай Кириллу Львовичу.

Ким взглянул себе под ноги и произнес:

— Н-не нужно. Мы отца в ополчение п-проводили.

— Когда?

— С-сегодня.

Глаза у Кима были грустные, да и весь он как-то понуру сжался, ссутулился.

— Был бы жив наш отец, тоже ушел бы на фронт, — проговорил Костя, хотя отца помнил плохо.

— Угу, — произнес Ким. Помолчал немного и вдруг сказал: — К-ковалева убили.

— Как?.. — подскочили братья. — Нашего Коваля?

— Вчера повестка пришла.

Преподавателя физкультуры Михаила Феодосиевича Ковалева в школе любили. Порывистый, быстрый, улыбчивый — с ним всегда все чувствовали себя бодрее. Бывало, войдет в класс после диктанта или контрольной, подмигнет и спросит: «Ну как, лодыри, еще

живы? Сигнали с вас семь потов?» Все молчат. «Та-ак, — протянет Михаил Феодосьевич. — Значит, все в порядке?.. Чего ж носы повесили? Ну-ка всем строиться — и во двор. Я вас тоже сейчас погоняю». Любимчиков у него не было. Он со всеми держался ровно. Сильных спортсменов иной раз поругивал, говорил: «Стараяешься мало. Ты еще не то можешь», а слабых хвалил чаще: «Молодец, — говорил, — да ты у нас скоро чемпионом будешь». Глядишь, такой «чемпион» и верно начинал выправляться.

С Михаилом Феодосьевичем играли вместе и в волейбол, и в футбол, и в городки. Звали его между собой попросту — Коваль.

Когда началась война, он ушел на фронт добровольцем.

И вот Михаила Феодосьевича убили. Даже трудно было представить, что больше не войдет он в класс и не бросит участливое: «Ну как, лодыри...»

— За что ж они его? — вырвалось у Кости.

Никто не ответил.

Конечно, все понимали: на войне убивают. Но впервые это коснулось человека, которого они хорошо знали. Веселого, доброго, справедливого человека.

— Я вот д-думаю, к-какие они с виду, ф-фашисты? — сказал Ким. — Н-на кого они п-похожи?

Леня и Костя тоже спрашивали об этом раненых в госпитале. Отвечали по-разному. Одни говорили: «Морды у них наглые». Другие возражали: «Не наглые, а трусливые». — «Сперва наглые, а как врежешь, сразу трусливыми становятся». Третьи говорили так: «Обыкновенные они. Только сволочи, зверюги...»

Косте фашисты казались уродцами, как на карикатурах. Не могли они быть похожими на обычных людей.

Когда Кима проводили до калитки, Леня спросил:

— Зачем же тебе вторая лопата?

— Я пойду, — сказал Ким.

— А пустят?

— Я уже говорил с матерью.

— Я с вами, — сказал Ленья.

— И я, — востепенулся Кравчук-младший.

— Тебе завтра коров пасти. Твоя очередь.

Костя недовольно взглянул на брата и отошел. Возразить было нечего. Теперь братья пасли не только Зорьку, но и соседскую корову. Так было удобнее. День пасут Кравчуки, день — соседи. Двух коров пасти не намного труднее, зато время выгадывалось.

На следующее утро, прихватив с собой лопату, Ленья пошел в школу.

Он пропадавал почти весь день, а вернулся возбужденный, глаза его горели. Наскоро перекусил, бросился искать брата.

— Костька, — закричал он, — иди сюда!

— Чего? — Костя сидел на крыше, прилаживал лист железа, который оторвало во время последней грозы.

— Чего, чего. Слезай, говорят.

Косте слезать не хотелось. Мама уже несколько раз просила ребят прикрепить этот лист, да все как-то не могли собраться, а тут только выбрал время, и сразу слезай.

— Зачем? — спросил Костя. — Сам залезай.

— Ну как хочешь. — Ленья повернулся было, чтобы уйти, но не вытерпел и уже потише произнес: — Я живого фашиста видел.

— Врешь!

— Не веришь, не надо. — Ленья махнул рукой.

— погоди. — Костя так и скатился с лестницы. — Рассказывай.

— Идем. — Старший повел его к сараю, в дальний угол двора, чтобы никто им не помешал.

— Где видел?.. Когда? — насккивал с вопроса-ми Костя. — Он страшный?.. На Гитлера похож?

— Не очень.

— С усами?

— Да постой ты. Слушай, как все было. Прихо-жу я в школу, народу уже много собралось...

— Его что, возле школы схватили?

— Нет. На пустыре.

— Где ж там пустырь у школы?

— Пустырь был, где мы рыли траншеи — на окраине.

— Понятно. Он ваши траншеи наносил на карту...

— Тфу ты! — не выдержал Леня. — Молчи, не буду рассказывать.

— Ладно, давай.

— Значит, прихожу я в школу, народ там со-брался...

— Ты это уже говорил.

Не перебивать Костя не мог. Поэтому оставим ершистых братьев возле сарая и перескажем все по порядку — пожалуй, будет лучше.

Итак, на одной из окраин Киева взрослые и школьники рыли траншеи. Находилось там и несколько военных, которые показывали, как нужно было располагать эти траншеи, проверяли глубину и шири-ну, словом, руководили. У военных и своих дел хва-тало — неподалеку они сооружали дзоты *, подготавливали место для зенитной батареи.

Налеты на Киев следовали один за другим. Прав-да, далеко не всегда удавалось немцам прорваться к городу. Все чаще отгоняли их наши зенитчики и крас-нозвездные «ястребки». «Юнкеры» не успевали бом-бить прицельно, а торопились поскорее сбросить кое-как груз и повернуть назад.

В то утро к городу устремились два десятка «мес-

* Дзот — дерево-земляная огневая точка.

сершмиттов». Вражеские истребители расчищали путь для своих бомбардировщиков. Вот уже совсем близко подлетели они. Вот увидели их люди, копавшие траншеи на окраине.

— Воздух! — закричал белобрысый лейтенант.

И все, побросав лопаты, кинулись в недорытые убежища. Лейтенант тоже прыгнул в траншею и оказался рядом с Леней.

— А черт! — ругался он, поглядывая через край. — Не успели зенитки поставить.

— Дядь, — сказал Ленья, тоже высунувшись, — а если из пулемета ударить?

— Ложись! — Лейтенант вдавил его правой рукой в траншею. — Они тебе сейчас ударят. Дырок-то понаставят.

Ленья недовольно подумал, что лейтенант, хоть и сильный дядек, но, видать, не из храбрецов. А тот, словно в подтверждение этой мысли, и сам пригнулся, выбрал голову в плечи.

— Держись, — сказал он, — сейчас угостят.

Он замер. Казалось, прислушивался к чему-то. Ленья смотрел на его оттопыренные уши, белесые брови, крупный нос, изогнутый сапожком, — лейтенант ему явно не нравился. «Из-за таких вот и отступают», — подумал он.

Но «мессершмиттам» не пришлось «угощать» тех, кто залег в траншеях. Наперерез врагу откуда-то вынырнули восемь наших истребителей. Перебивая рев моторов, заработали пулеметы и скорострельные пушки. Целая карусель завертелась в воздухе. В короткой схватке было сбито три «мессера», остальные не выдержали, стали покидать место боя. «Ястребки» пустились за ними.

Лейтенант, Ленья, Ким и все вокруг уже приподнялись в траншеях и смотрели, как гонят «мессеров». Кричали:

— Бейте их, псов!

— Гоните гадов!

Кто-то свистел, кто-то швырял в азарте комья земли.

— Ура-а-а! — Леня и Ким размахивали лопатами.

И вот тут-то подошли «юнкеры». Они двигались тяжело: брюхо у каждого было наполнено бомбами. По небу они ползли со зловещим монотонным гулом, чтобы оторгнуть эти бомбы на Крещатик, на бульвар Шевченко, на Пушкинскую улицу, на Владимирскую горку, на Подол — на все то, что зовется городом Киевом.

Но теперь «юнкеры» были без прикрытия, и на них накнулись «ястребки».

Атака — и вражеский бомбардировщик, накренившись на бок, пошел книзу. Хвост черного дыма потянулся за ним.

Другая атака — и в воздухе начал разваливаться второй «юнкер», падая прямо в Днепр, загорелся и третий.

Не долетев до города, «юнкеры» стали поспешно сбрасывать бомбы куда попало и разворачиваться.

Дым, огонь, взрывы, треск пулеметов — все слилось и смешалось.

Вот еще один истребитель зашел в хвост тяжело-му бомбовозу. Секунда — и заговорят пулемет и пушка «ястребка»: самый подходящий момент.

— Ну давай же, давай, — просил белообрый лейтенант.

— Давай, — повторял за ним Леня.

«Ястребок» не стрелял.

— Что ты, милый? — чуть не плакал лейтенант с досады. — Бей же!

Нет, и пушка и пулемет молчали.

— Боеприпасы кончились, — догадался лейтенант и сжал кулаки. — Уйдет, а?

Истребитель вдруг вплотную приблизился к «юнкеру» и рубанул его винтом по хвосту. Словно эхо,

в ответ на таран прокатилось по траншеям многоголосое восхищенное «А-а-а!...». Немецкий самолет дернулся, начал резко снижаться. От него отделилась точка.

— Бомба! — проговорил Леня.

Но над точкой развернулся парашют.

— Летчик, — сказал лейтенант и, пощупав на боку кобуру, добавил: — Кажись, к нам несет. Смотри, еще прыгнут.

«Юнкерс» в это время повело в штопор, и выпрыгнуть из самолета уже никто не мог. Так он и врезался в землю.

«Ястребок» с покореженным винтом планировал в сторону аэродрома. Потом лишь стало известно, что таран совершил младший лейтенант Дмитрий Зайцев, за что получил Золотую Звездочку Героя (самолет свой он все же посадил).

А парашют немецкого летчика и в самом деле ветер нес прямо к траншеям.

Все затихли, молча смотрели, как, опускаясь, приближается к ним живой фашист.

— Дела! — сказал белобрысый лейтенант и с беспокойством оглядел женщин, подростков и пожилых мужчин. Кроме него самого, военных на этом крае траншей не было. — Всем оставаться на местах, — приказал он и вынул пистолет.

Леня подумал, что лейтенант сейчас заляжет и будет издали стрелять по немцу. Но белобрысый одернул на себе гимнастерку, поправил пилотку, словно собирался предстать перед начальством, и вдруг вылез из траншеи и побежал к тому месту, куда вот-вот должен был приземлиться парашютист.

Немец ткнулся ногами в землю, но не удержался: новый порыв ветра дернул парашют, и летчика проволокло несколько метров по пустырю, прежде чем он отцепился. Вскочив, он увидел несущегося к не-

му лейтенанта, тоже выхватил пистолет и два раза выстрелил, но лейтенант продолжал бежать, не стреляя, и слышно было, как он кричал немцу: «Хенде хох!»

— Чего ж не стреляет? — Леня впился пальцами в плечо Кима.

— Х-хочет в-зять живым.

— А я-то думал, он трус.

Фашист торопливо пальнул еще раз, но, убедившись, что лейтенант все так же неотвратно приближается к нему, бегом кинулся прочь. Он бежал не зная куда, ошалело оглядывался. По одну сторону от него был Днепр, по другую траншеи. А вот и впереди он заметил солдат, строивших дзоты. Немец круто повернул влево. Теперь он мчался прямо на траншеи. То ли вид гражданских людей пугал его меньше, то ли он надеялся, что они разбегутся. Он даже выстрелил, только все уже видели, что стрелял он вверх, так, для острстки. Но когда навстречу ему двинулись с лопатами и кирками, немец и вовсе растерялся.

Первым шел крепкий старик Гапенко, работавший при школе дворником. Лопату он держал, выставив вперед словно штык. Лицо у старика было решительным и не предвещало ничего хорошего.

Оглянувшись еще раз на лейтенанта, немец бросил пистолет и вытянул руки вверх. Лейтенант подбежал к нему, и какое-то время они ничего не говорили, а лишь тяжело дышали и смотрели друг на друга.

Но вот лейтенант поднял пистолет летчика и сказал:

— Пошли.

— Не надо стреляйт, — произнес немец. Голос его дрожал. — Не стреляйт... Драй киндер.

— Пошли, — подтолкнул лейтенант.

Придвинулась толпа. На летчика смотрели насупленно, но с любопытством. А он все повторял:

— Не надо стреляйт... бите... Не стреляйт.

— Ишь, — зашумели вокруг, — самому так можно. А сейчас вон как запел.

— Нихтс ферштейн... — Он попробовал улыбнуться. — Не понимайт.

— Пустите, я его лопатой по заднице — сразу поймет, — кипятился старик Гапенко.

Летчик, может, и на этот раз не все понял, но на Гапенкову лопату, которой старик размахивал весьма недвусмысленно, покосился со страхом.

— Отойти всем от пленного, — приказал лейтенант.

Толпа нарастала. Продвигаться уже не было никакой возможности. Немец теперь старался держаться поближе к лейтенанту. Хотя вокруг были женщины, старики и мальчишки, их лопаты вызывали в нем тревогу. Что они с ним сделают?.. Забьют тут же на месте? Или закопают живьем? Он невольно переводил взгляд с лопаты на лопату, избегал смотреть в глаза. Конечно, они могут сделать с ним все, что угодно. В полку им читали лекцию о России. Пленных там зверски убивают. Особенно летчиков. Он уже представил, как первым обрушит лопату на его голову этот буйный старик. Вон как разъярился. Даже армеец пытается его сдерживать.

— Нет, — кричал Гапенко, — пусть он сперва скажет, что мы ему сделали? За что он нас бомбами?

— Правильно, — поддержала одна из женщин, — пусть ответит.

— Ну отвечай, слышь! — кричал Гапенко.

— Отойдите! Всем отойти, — надрывался лейтенант, но командовать гражданскими было трудно.

— За что ж ты нас, паразит, бомбами? — не отставал Гапенко.

— Нихтс ферштейн, — выдавливал немец и заискивающе улыбался.

И тут учительница Луиза Павловна, пробравшись вперед, громко сказала по-немецки:

— Он вас спрашивает, почему вы бомбите наш город? Что вам сделали эти люди? — Она повела рукой, показывая на всех, кто был вокруг. — За что вы хотели убить эту женщину или этого мальчика?

Немец, вначале оживившийся при звуках родного языка, опять сник. Но вдруг заговорил торопливо, словно боялся, что ему не дадут все высказать:

— Я солдат, я только солдат. Я выполнял приказ. Я никого не хотел убивать. Скажите им, что у меня дети. Трое детей в Дюссельдорфе. Младшей девочке два года. Я покажу фотографию... — Он полез в карман.

Но лейтенант опять строго прикрикнул:

— Хенде хох!

Летчик поднял руки. Луиза Павловна стала переводить все, что он сказал.

Послышались восклицания:

— У него дети, а у нас нет?

— Хорош гусь.

— Не гусь он, а стервятник.

— Дайте, я ему разок врежу, — все еще кипятился дворник Гапенко.

— Нихтс ферштейн, — твердил свое немец.

— Заладил одно и то же.

— Дурачком прикидывается.

— Ничего, — подхватил Гапенко, — мы ему сейчас мозги вправим.

Лейтенанту, видимо, надоело кричать «отойдите!». Он устало взглянул на дворника и совсем по-домашнему попросил:

— Хватит, отец, ладно?.. Этот уже отвоевался. — Он кивнул на пленного. — А ты все шумишь.

Подъехала подвода. С нее соскочили два солдата с винтовками. Не без труда пробились к лейтенанту.

— Не стреляйт, — опять начал упрашивать немец.

— Замолкни! — оборвал лейтенант.

— Нихтс ферштейн.

Немца посадили в телегу между солдатами.

— Но! — крикнул возница.

Телега тронулась с места.

— Не стреляйт, — слышалось сквозь скрип и стук колес. — Война, нихтс гут.

Народ повалил докапывать траншеи, а Леня побежал к тому месту, где немец палил из пистолета: очень уж хотелось разыскать гильзы. Одну из них все же нашел.

Когда он закончил свой рассказ, Костя попросил:

— Покажи.

Леня достал маленькую латунную гильзу. Подкинул, поймал на ладонь.

У Кости загорелись глаза.

— Давай на осколки меняться. Пять осколков хочешь?

Леня торжественно молчал.

— Ну на десять? — предложил Костя. — У меня больше нет.

— Ищи дураков. — Старший брат спрятал гильзу в карман.

Огорченный Костя молча полез на крышу, застучал молотком.

— Помочь? — спросил Леня.

— Без тебя управлюсь.

...При обыске у пленного летчика обнаружили неоконченное письмо, где, между прочим, он писал своей Гретхен в Дюссельдорф: «...Киев сверху очень красив. Бомбить его истинное удовольствие...»

ОСКОЛКИ

В начале августа фашисты вновь предприняли попытку захватить Киев. Возле города собрали двадцать дивизий. На этот раз ворваться в Киев они хотели с юга. В бой вводили все новые и новые танки, самолеты, артиллерию. Пленные немцы говорили, будто Гитлер приказал любой ценой взять город в ближайшие дни. На 8 августа он назначил парад своих войск на Крещатике.

Яростным было сопротивление защитников. Каждый шаг стоил гитлеровцам больших потерь. Бои шли беспрестанно. Не смолкала канонада орудий и взрывы бомб. Земля дрожала. От дыма, пыли и копоти померк солнечный свет.

Немцы так и не смогли взять город штурмом. 9 августа они были выброшены из пригородов Киева — Голосеевского леса и Мышеловки. Еще через несколько дней наши войска освободили Совки, Чабаны и Пирогово. К 16 августа враг отступил к тем самым рубежам, откуда и начал штурм Киева.

Все последующие атаки гитлеровцев ни к чему не привели. Каждый раз им приходилось откатываться назад. На ближних подступах к Киеву они уже не сумели продвинуться ни на шаг.

В дни этих тяжелых боев погибло много бойцов и командиров Красной Армии. В некоторых полках оставалось по 150—200 человек. Госпитали и больницы были переполнены ранеными.

* * *

Мария Фоминична сутками пропадала на работе. Кроватями были уставлены не только коридоры госпиталя, но и кабинеты врачей. Во дворе соорудили навесы, под которыми также начали размещать раненых.

Артиллерист Дубровин слабел с каждым днем. Ему сделали вторую операцию, несколько раз переливали кровь. Он впадал в забытие, бредил, звал Костю. Но младший Кравчук, который старался теперь почаще навещать Дубровина, понимал, что в своем беспамятстве артиллерист зовет не его, а сына. Он по-прежнему просил Костю спеть «Трех танкистов», но сам уже не подпевал, а беззвучно шевелил губами. Лоб его покрывался капельками пота.

Страдая от очередного приступа, он сказал Косте:
— Ты... возьми у меня там... под подушкой.

Костя вытащил из-под подушки маленький узелок. Что-то завернуто было в носовом платке.

— Кончится война... отошлешь это моим под Рязань. Адрес там есть... развяжешь... прочтешь на бумажке.

— Что там, в узелке?

— Гостинец, — не сразу ответил Дубровин. — Немец меня угостил... Хочу, чтоб родня увидела.

Он перевел взгляд, уставился в окно. Зеленые ветки каштана касались подоконника.

— А у нас рябина... — сказал он, — под окном. Небось краснеть начала... Ты рябину любишь?

— Угу, — кивнул Костя. А сам подумал: «Да кто ее любит: она ж горькая».

— У нас хорошо... — говорил Дубровин, не отрываясь от окна, — свежим сеном пахнет.

Он долго молчал, затем проговорил, прикрыв глаза:

— Молока бы парного... хоть глоток...

— Дядь Федя, — встрепенулся Кравчук, — я вам принесу. Я вам каждый день носить буду.

Когда Костя уходил, раненый сказал:

— Узелок-то мне верни... Оставь пока.

Костя сунул узелок назад под подушку.

Вечером с литровой бутылкой теплого молока он

торопился к госпиталю. На бутылку смотрел каждый встречный: молоко стало редкостью. Спрашивали, не продаст ли.

— Нет, — отвечал он, не оборачиваясь.

Какой-то дядька увязался следом.

— Даю червонец! — кричал он. — Да куда ты, стой. Бери тридцатку. — Он все не отставал и уже размахивал красненькой.

Костя пустился бегом.

Он был у ворот госпиталя, когда завывали сирены. Ему оставалось подняться на третий этаж. Но по лестнице устремилась вниз толпа ходячих раненых: им предписывалось в случае тревоги спускаться в подвал. Одни были на костылях, другие с палочкой, у кого-то перевязана голова, у кого рука. Кто-то прыгал на одной ноге, держась за перила, кому-то помогали — вели под руки с двух сторон.

Прорваться наверх сквозь эту загипсованную лавину, сквозь лес клюшек и костылей было делом немислимым. Но Костя все же лез выше и выше, занимая одну ступеньку за другой.

— Куда?! — кричали ему. — Чеши в подвал. Тревога!

А Косте казалось, что вот сейчас, не откладывая, должен он дать молока дяде Феде, и тогда все будет хорошо, выздоровеет дядя Федя. Он добрался ко второму этажу, когда один из раненых, споткнувшись, толкнул его в руку, бутылка выпала и ударилась о каменную ступеньку. По лестнице потекли струи молока, под ногами зазвенели осколки.

С досады у Кости брызнули из глаз слезы. Толпа в линялых пижамах увлекала вниз, и он уже не мог сопротивляться, а лишь всхлипывал. Ступеньки, которые он преодолевал с невероятным трудом, теперь так и замелькали. Осколки под ногами звенели: дзынь, дзынь, дзынь...

Бомбежка кончилась. Вместе со всеми Костя выбрался из подвала и опять оказался на лестнице. На третий этаж он подымался медленно, тяжело. Что он скажет дяде Феде, чем обрадует?

Он вошел в палату и увидел, что у Дубровина все лицо закрыто марлевой повязкой, только для глаз и рта были оставлены щелки.

— Дядя Федя... — шагнул к нему Костя и вдруг понял, что перед ним другой, совершенно незнакомый человек. — А где Дубровин? — спросил он у соседа, который лежал рядом.

— Не стало дяди Феде. Отмучился.

В глазах у Кости потемнело. Он подумал, что вот принеси он парное молоко раньше, и дело бы пошло на поправку, жил бы дядя Федя.

— Сядь ко мне, — сказал сосед.

Костя присел на краешек кровати.

— Садись смелее. Ног-то у меня нет — не придавишь. — Раненый полез в тумбочку, вынул знакомый Косте узелок, протянул. — Бери. Дубровин просил тебе передать.

На улице после налета пахло гарью, пылью, битой штукатуркой. В воздухе висела бурая мгла. Две бомбы упали неподалеку от госпиталя. Одна разрушила дом, другая разорвалась в парке, опрокинула «чертово колесо», подожгла карусель. Плали маленькие разукрашенные автомобильчики, волки, слоны, жирафы. Разваливался поедаемый огнем ослик. Когда-то Костя больше всего любил кататься на нем, держась за длинные уши.

Неужели в самом деле
Все качели погорели... —

всплыли вдруг в памяти далекие стихи.

Костя сел на уцелевшую скамейку, развернул узелок. Кроме записки с адресом, там были два осколка — две продолговатые железки с зазубренными краями. Один из них величиной с папироску, другой — с лесной орешек. Костя взял их было в руки, но сразу положил назад. «Они же вынуты из него, из дяди Феди», — обожгла мысль. И осколки показались ему вдруг горячими.

Он завернул их снова в платок, сунул в карман, пошел по парку. Остановившись возле горячей карусели, он смотрел на объятых огнем зверей, а сам чувствовал, как жгут его два осколка. По дымным улицам он направился к дому. Осколки не остывали. Они жгли его. Жгли, жгли.

И он понял: никогда они не остынут. Что с ними сделать? Спрятать во дворе? Все равно будут жечь: он ведь будет знать — вот они, рядом.

Он проследовал мимо своего дома, миновал огорды, подошел к Днепру, побрел вдоль берега. От реки тянуло холодком.

Осколки в кармане горели.

Тогда Костя выхватил узелок, размахнулся, швырнул далеко в Днепр. Булькнув, узелок исчез.

* * *

У ворот стояла бабка Степанида, рассказывала про последний налет:

— Сами-то они, муж с женой, из дома выскочили, как тревога началась, с детьми — двое у них, близняшки, мальчик и девочка пяти лет. А дома-то у них старуха лежит, неподвижная, второй год так мается. Они детишек-то в убежище укрыли, за старухой назад кинулись: ее всегда на носилках вытаскивали. Только вбежали, по дому как бухнет, разом никого в живых. От всей семьи два осколочка осталось — две сиротинки...

МЫ ЕЩЕ ВЕРНЕМСЯ

Все попытки врага штурмом захватить Киев оканчивались неудачей. Атаки захлебывались, каждый раз приходилось откатываться назад. Срывался план наступления на Левобережную Украину.

Кроме того, советские войска Юго-Западного фронта, которые удерживали Киев, теперь представляли большую угрозу для гитлеровской группы армий «Центр». К концу августа армии этой группы глубоко вклинились на восток, но защитники Киева все еще оставались у них на южном фланге, что мешало фашистам продвигаться к Москве, оттягивало их силы.

Берлин приказал танковой армии Гудериана (она была в составе группы «Центр») изменить свое направление и повернуть на юг. И вот фашистские танки в тылу Юго-Западного фронта устремились через Стародуб и Конотоп на Ромны. С юга навстречу им двинулась другая танковая армия генерала Клейста.

Обе вражеские группировки все время были вынуждены вступать в ожесточенные бои с отдельными подразделениями Красной Армии. Но превосходство немцев в технике и силе было слишком велико. 10 сентября фашистские танки ворвались в Ромны, а еще через несколько дней войска Гудериана и Клейста встретились. Таким образом столица Украины оказалась в кольце.

Защитникам Киева оставалось одно: покинуть город, чтобы вырваться из окружения и соединиться с частями Красной Армии.

Приказ об этом был получен по радио 18 сентября.

* * *

Ночью войска начали отходить из города. Первыми переправлялись через Днепр стрелковые дивизии.

Последними должны уйти с правого берега пулеметчики, оборонявшие подступы возле самых мостов.

Уставшие от непрерывных боев, покрытые слоем пыли, гари, тяжело двигались солдаты с оружием, вещмешками, скатками. Кто-то шел босой, сбив до крови ноги, рядом с котелком болтались связанные ботинки. Кто-то ехал в повозке, которую понуро тащили измученные лошади.

На замерших улицах гулко разносился стук сапог и скрип повозок. Черными окнами смотрели дома на бойцов. Кое-где ухали взрывы — это саперы уничтожали доты, дзоты и прочие оборонительные сооружения.

Вместе с хмурым рассветом появились возле дверей, ворот и калиток киевляне. Они стояли молча. Старухи крестились, подносили к глазам платки.

С болью покидали город солдаты. Сколько жизней было отдано за него!

Но нет-нет да и вскидывали бойцы опущенные головы: все ж не взял фашист Киева в открытом бою, не смог, пообломал себе зубы. А если б не приказ... Ладно, мы еще вернемся.

Когда во второй половине дня на правом берегу появились немцы, саперы начали взрывать мосты через Днепр. Первыми рухнули в воду тяжелый железнодорожный мост и мост имени Е. Бош. Главным в тот момент стал деревянный Наводницкий мост, к которому стекались отходящие части войск.

— Скорей!.. Скорей, хлопцы!.. — кричали последним солдатам взмокшие от напряжения саперы.

Их начальник — черноволосый кудрявый инженер третьего ранга — кусал губы. Хотел закурить — пальцы не слушались, не могли достать спичку. За взрыв этой переправы он отвечал головой.

К мосту уже неслись вражеские мотоциклы, поливая его длинными очередями. Деревянный настил загорелся, а по нему еще бежало несколько солдат,

которые прикрывали отходящих огнем из ручных пулеметов.

Вот и гитлеровские автоматчики влетели на мотоциклах на мост. Но как только красноармейцы из группы прикрытия добежали до левого берега, саперы взорвали толовые шашки.

Обломки огненного моста, мотоциклы, автоматчики, кувыркаясь, взлетели в воздух.

— Вот так... — Инженер третьего ранга закурил, наконец, папиросу.

Тут же взорвался и самый южный, Дарницкий, мост.

А группа прикрытия, установив пулеметы, уже строчила по врагу, который сгоряча хотел было форсировать Днепр.

* * *

Мама разбудила ребят рано утром:

— Вставайте, ухожу на работу.

— Еще немножко, мам. — Братьям не хотелось вставать.

— Кому говорят, — не уступала Мария Фоминична. — Слышите?

— Пусть он первый, а я за ним, — сказал Костя.

— Умник нашелся. — Леня потянул к себе одеяло.

— А ты думал. Чуть что, кричишь: я старший, я старший! Вот и вставай. Маленьким еще спать полагается.

— Маленький, может, тебя покачать?

— Покачай. — И Костя неожиданным рывком накинул одеяло на себя.

— Вас что, хворостиной поднимать? — рассердилась Мария Фоминична. — Я не поленюсь, схожу.

Каждое утро начиналась эта история с подъемом. Маме и жаль было детей — поспали бы еще, но дел-то сколько, поворачиваться не успеваешь. Как тут

управиться? Вот и сейчас — ей на работу бежать нужно, да мальчишки еще не встали. А ведь вечером договаривались: Костя выгоняет Зорьку на луг, Ленья принимается за дрова — их нужно наколоть и сложить в сарай.

— Мам, — вдруг вскочил Костя, — а что это шум на улице?

— Солдаты идут.

Костя подбежал к окну. Выгоревшие гимнастерки сливались. Казалось, по улице течет зеленая река.

— Ой, сколько! Куда они?

— На кудыкину гору. Сбегай, спроси. Мне они не докладывали.

К окошку подошел Ленья, стал рядом с братом.

— Уходят, — произнес старший.

— А как же мы? — вырвалось у Кости.

Никто не ответил.

— Ешьте и за работу, — сказала мама с порога. — Ленья, с топором осторожнее. — И прикрыла за собой дверь.

Выпив молока с хлебом, братья вышли во двор. День был пасмурный, тучи висели совсем низко — того и гляди польет дождь. Ребята постояли у калитки, немного посмотрели. Солдаты шли молча, потупив головы.

Один красноармеец остановился возле них, скинул вещмешок, нагнулся, чтобы перемотать развязавшуюся обмотку. Он был немолод, на небритых щеках проступила седая щетина.

— Вы куда, дядь? — спросил Костя.

Солдат будто не слышал. Покончив с обмоткой, он выпрямился, невесело взглянул на братьев:

— Папка ваш где?

— А у нас папки нету, — проговорил Костя.

Солдат порылся в мешке, протянул ребятам несколько кусочков сахара.

— Берите гостинчика.

И поспешил догонять своих.

— Дядь, а куда вы? — крикнул вслед Костя.

Но солдат не обернулся.

— Понял? — проговорил старший Кравчук. — Ладно, хватит стоять.

Зорьку Костя погнал за огороды к Днепру. По реке гуляли волны, вода была черная и холодная.

Вспомнился вдруг летний довоенный день: на волнах сверкают солнечные искры, песчаные пляжи наполнены веселым народом, а по Днепру снуют белые трамвайчики — там играют на баяне, поют песни, смеются. Как было хорошо!

Костя любил Днепр и осенью. Он хотел быть моряком, а им приходится плавать и в тихие, ясные дни и в непогоду. Но сейчас, казалось, Днепр почернел не из-за того, что на дворе осень, а из-за того, что идет война, и реке тоже достается от снарядов и бомб, и плывут по ней уже не трамвайчики, а всякий мусор. Костя присмотрелся: так и есть — покачиваются на волнах разбитые балки, какие-то перила, вздувшийся труп лошади, детская люлька...

После полудня Костя вернулся. Брата дома не было. Степанида во дворе развешивала белье, Светка ей помогала.

— Ну как? — спросила Степанида, не отрываясь от наволочек и рубашек. — Чего там видел?.. Солдатики все идут?

— Идут.

— Да... дела наши как сажа бела. Света, подай прищепок. Слышь, кому говорят?

Поток красноармейцев на улице редел, но двигались они гораздо быстрее. Потом стало вдруг тихо. Костя выглянул за калитку — никого.

Но вот послышались треск моторов и автоматные очереди. По улицам Подола засвистели пули. Жители попрятались кто куда. Степанида потащила Светку в окопчик на огороде, как при бомбежке.

— Господи! — приговаривала она. — Помилуй нас, господи!..

Костя остался у забора и смотрел в щель — что же будет дальше.

В соседний двор влетела вдруг на полном ходу санитарная повозка, запряженная парой лошадей. С нее соскочили два красноармейца, оглянулись и тут же перелезли через забор к Кравчукам. У одного из солдат была перевязана голова, у другого — рука.

Увидев Костю, они подбежали к нему, спросили:

— Ты здесь живешь?

— Здесь.

— Пионер?

— Пионер.

Солдат с перевязанной рукой снова оглянулся и быстро заговорил:

— Спрячь два полковых знамени. Только никому... — Он поднес палец к губам. — Дай слово.

— Честное пионерское... А куда спрятать?

Красноармейцы не ответили. Они уже расстегивали гимнастерки — вынимали знамена. Протянув их Косте, сказали:

— Прощай!.. Мы вернемся. — И побежали к забору, что был со стороны задворья. Через минуту их уже не было видно.

Костя держал знамена и лихорадочно соображал, куда бы спрятать. Почему-то представлялось, что немцы сразу же ворвутся в дом с обыском.

А времени нельзя было терять ни секунды: выстрелы раздавались уже совсем близко. Костя метнулся к углу двора, где рос старый каштан, и закопал знамена под деревом. Утрамбовал землю, поставил сверху дырявый таз.

К соседям въехали в распахнутые ворота два мотоцикла с автоматчиками. Гитлеровцы обыскали брошенную санитарную повозку, осмотрели пустой двор. Никого не обнаружили.

Один из них подошел к забору. Заглянув, заметил Костю, крикнул:

— Где рус зольдат?

Костя пожал плечами — не знаю, мол.

Другой немец перемахнул через забор, снял с веревки два мокрых полотенца с вышитыми петухами, аккуратно сложил, сунул за пазуху.

Снова затарахтели моторы — мотоциклисты уехали.

Костя подумал, что не такие уж они страшные, ножа в зубах не держат. Вроде бы ничем не отличаются с виду от обычных людей.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ОККУПАЦИИ

Долгим, страшным и непонятным был тот день. Первый из семиста семидесяти восьми.

Один в доме Костя не мог оставаться (бабка Степанида и Светка не шли в счет). Степанида все сокрушалась по поводу своих полотенец.

— Аспиды проклятые, — ругалась она, поглядывая в сторону улицы, откуда неслись шум моторов, отрывистые выкрики на чужом языке, смех. — На старухино польстились, ироды... Чтоб вам удавиться на этих полотенцах.

Но ругалась тихо и поглядывала с опаской.

Светка спрашивала:

— На кого они похожи, а?

— На волков, — отвечал Костя.

— И клыки торчат?

— Ага. Вот сама увидишь.

— Ой, — жалась Светка к Степаниде, — я боюсь.

Степанида сердилась:

— А ты, чертяка, зачем дитыньку пугаешь?

Косте надоело торчать во дворе. Хотя и жутко было, а вышел за ворота.

Серо-зеленая масса заполнила всю улицу. Сплош-

ной лавиной двигались грузовики, тягачи, легковые автомобили, группы солдат. Где-то горланили песню, где-то выдавливали какой-то мотивчик на губной гармошке.

Прижимаясь к заборам и стенкам домов, Костя пошел навстречу этой шумной, самодовольной орде, которая тянулась и тянулась без конца.

Кое-где в дверях, в калитках стояли жители — смотрели. Они стояли молча, настороженно. Старухи и старики не лужали семечки; дети, казалось, вмиг повзрослели — никто не шалил, не пищал.

Костя остановился возле мотоцикла, загляделся на пулемет, прикрепленный к рулю. Один немец — водитель — был занят делом: нагнувшись, он подтягивал какие-то болты, другой, сидевший в коляске, скучал. По Косте он провел вначале безразличным взглядом, затем схватил автомат. Черный зрачок «шмайсера» уставился прямо на Костю. Мальчишка замер. Руки и ноги вмиг отяжелели — не шевельнешься.

— Пух, пух, пух... — произнес автоматчик и засмеялся.

Пошутил.

Костя с великим трудом оторвал ноги, побрел дальше. Хохот автоматчика долго стоял в ушах.

Лицом к лицу Костя вдруг столкнулся с братьями Спиваками. Старший — вор Миня был в добротном темно-сером костюме, который болтался на нем, как на вешалке, и в новеньких желтых ботинках. Нетрудно было догадаться, что костюм этот он приобрел не в магазине и тем более не у портного. Младший — Михась Спивак по прозвищу Рыло тоже был одет нарядно — расшитая украинская рубашка, синие габардиновые брюки заправлены в сапоги, начищенные до глянца. Рядом с братьями шли Минины дружки. Лица у всех налились краснотой и торжественностью. Компания, видно, пропустила по чарке для храбрости.

Тут же были и две девицы: одна чернявая, другая — пышноволосая блондинка с ярко накрашенными губами. Миня держал на вытянутых руках поднос с караваем и солонкой. Румяный каравай лежал на белом рушнике.

Рыло встретился глазами с Костей. «Сейчас кинется», — подумал Костя. Но младший Спивак сделал вид, что не узнал. Он был преисполнен величия. Не время гоняться за пацанами. В город вступали новые хозяева, и Спиваки, не любившие все советское, ждали этого часа. А теперь настала пора. Новым хозяевам можно послужить. Добро пожаловать, господа.

С хлебом-солью направились к офицерам, которые ехали в открытом автомобиле. Это была не какая-нибудь пропыленная и выдавшая виды штабная машина, а роскошный, сверкающий краской «опель-адмирал».

Офицеры остановили автомобиль. Улыбаясь, ждали. Приостановились и другие машины. У немцев в руках моментально оказались «лейки». Началось фотографирование.

Миня преподнес хлеб-соль и что-то говорил. Рука его была протянута. Наверное, ожидал рукопожатий. Но офицеры до этого не снизошли, хотя и продолжали улыбаться. Зато один из них, принимая от блондинки цветы, поцеловал ей ручку.

— Культура! — проговорил кто-то из Мининых дружков.

— Европа!

Снова защелкали затворы фотоаппаратов. Появилась и кинокамера. Блондинке предложили еще раз подойти с цветами к автомобилю, и опять офицер целовал ей ручку, а кругом улыбались. Кинокамера стрекотала.

И вдруг над головами у всех что-то просвистело и ударилось прямо в крыло сверкающего «опель-адмира-

ла». Немцы разом попадали на землю. По булыжной мостовой со звоном покатилась кинокамера. Оператор даже не взглянул на нее. Он лежал, сжавшись и прикрыв руками голову.

Взрыва не последовало. Оказалось, метнули не гранату, а обрезок трубы.

Спивак и его компания ошалело оглядывались, не зная, что делать. Не в них ли это кинули, как знать? Но кто и откуда? Разобраться было невозможно: вокруг стояли сплошняком трехэтажные дома. Может, с чердака?

Тем временем гитлеровцы опомнились. Четко прозвучала команда. Автоматчики открыли стрельбу по окнам домов. Посыпались стекла. Выскочила откуда-то перепуганная собака. Дали очередь и по собаке. Одна из пуль зацепила ее. Собака скулила, хрипела, каталась по земле, зализывала рану, пока новая автоматная очередь не прервала ее мучения.

Все стихло. Серо-зеленая масса тронулась дальше. Укатил роскошный «опель-адмирал». Появлялись новые и новые колонны немцев. Под колесами машин гремел покореженный поднос Мини Спивака.

И опять Костя шел по улицам, иногда останавливаясь и прислушиваясь к тому, что говорят. А услышать можно было всякое. Одна тетка говорила, будто сама видела, как немец отломил от плитки шоколада для малыша, а когда тот испугался и попытался, сунул ему угощение в кармашек.

— Небось отравленный, — заметил кто-то.

— Тю, отравленный! У них тоже есть и дети и жены.

— Это верно, — согласился с ней интеллигентного вида старичок, — я тоже сам видел: к моим соседям зашли двое и вынесли дамское пальто с меховым воротником, платья и шерстяной платок. Даже в узел не связывали, перекинули через руку — и назад к машине. Я им по-немецки: как же вам, мол, не стыд-

но. Один мне ответил, что война и стыд несовместимы. А другой вообще ничего не сказал. Он просто ударил меня. Кто сомневается, смотрите. — Старичок повернулся кругом, чтобы все могли увидеть его лицо.

Костя невольно поморщился: под глазом у старичка вздулась багровая ссадина, да и вся левая сторона лица была неестественно заплывшая, пугающая.

— Смотрите, смотрите. Не стесняйтесь, — говорил старичок. — Я для этого и вышел на улицу. А то некоторые о конфетах рассказывают.

— Сама видела. Чтоб мне с места не сойти... Подошел к малому, отломил кусочек...

Но ее уже никто не слушал. У старичка были доводы убедительнее.

Поглядывая на его обезображенное лицо, Костя начал все больше ощущать в себе беспокойство: вон ведь что творится, ни за что избили человека. А где сейчас мама, где Ленька? Что с ними?

Назад к дому Костя чуть не бежал. Он еле сдерживался. «Не беги, не беги!» — говорил он себе. Почему-то казалось: если побежишь, немцы кинутся вдогонку или начнут стрелять.

Едва открыл он калитку, как сразу увидел Леню.

— Зачем выходил? — напустился на него старший.

— За пирогами. — Костя и не собирался пререкаться с братом, был рад, что тот оказался дома, да уж как-то произвольно, по привычке вырвался такой ответ.

Но Леня будто мимо ушей пропустил слова младшего. В глазах его была тревога.

— На улицах видел, что делается?

— Видел, — примирительно сказал Костя.

— Я пришел, а дома ни тебя, ни мамы.

— Мама на работе.

— Какая сейчас работа? — Леня взглянул в сто-

рону улицы, откуда все так же доносился шум идущего войска.

— Но у мамы раненные и больные.

— Знаю... — произнес Леня и вдруг сказал: — При мне человека убили.

— Ты что??

— Немцы его вели, а он как толкнет одного — и в переулок. Они из автоматов — та-та-та-та... Ну и наповал. Лежит в луже крови. Рыжий молодой дядька. Немцы не велели его трогать. Тут же на картонке написали «Партизан» и привязали к убитому. А еще на одной улице, говорят, — Леня перешел на шепот, — в немцев кинули гранату и...

— Да нет, — перебил Костя, — я сам видел — кинули кусок трубы, а немцы испугались.

— Это ты видел, а на другой улице кинули гранату. Поубивало четырех солдат и офицера. А на Бессарабке где-то на крыше, говорят, залег с пулеметом раненый красноармеец. Он дождался, пока немцы пойдут погуще, и потом как начал поливать длинными очередями. Многих перебил. Но они по нему из минометов...

— И что?

— Накрыли, конечно.

Слухов было много, и братья рассказывали друг другу все, о чем слышали. И слухи эти были такие разные, а иногда и противоречивые, что уже нельзя было понять, чему верить, чему нет.

Своими глазами видела захватчиков и Степанида. Они зашли во двор и, не обращая на бабушку никакого внимания, у забора помочились.

— Страма такого в жизни не знала, — рассказывала Степанида. — Среди бела дня, при народе...

Вечером появилась Мария Фоминична. По ее потемневшему лицу, по дрожащим рукам братья поняли: что-то произошло.

— Мам, ты что? — спросил Леня.

Мария Фоминична молча опустилаcь на табуретку, положила руки на стол.

Она не рассказала ребятам, как первую половину дня выносила раненых, размещала их на каких-то машинах, повозках, фурах, а затем побежала в больницу, где было много одиноких тяжелобольных, которые давно уже не вставали и постоянно нуждались в помощи. Она не рассказала, как немцы, увидев прикованных к койкам людей, принялись стаскивать их, волочить за ноги по лестнице и в ответ на крики и стоны несчастных смеялись да еще подгоняли друг друга при этом криками «Шнель! Шнель!» *. Она не рассказала, как главный врач, полный пожилой человек, бросился к немцам и стал внушать им, что больному, которого они собираются скинуть с кровати, сделали на днях сложную операцию, удалили две трети желудка, что это известный музыкант, что он играл Баха, Бетховена, Моцарта. «Опомнитесь, — упрасивал главный врач и хватал солдат за руки, — это бесчеловечно». Но они скинули музыканта на пол. Больной захрипел, а обер-лейтенант, который там распоряжался, сказал со смехом: «Какие немзыкальные звуки издает маэстро». И тогда пожилой врач плюнул в лицо обер-лейтенанту. Врача тут же застрелили и поволокли по ступенькам к тому же грузовику, в кузов которого швыряли больных. Она не сказала, как, еще не понимая, что происходит, хотела было ехать с этим же грузовиком, но ее отпихнули, и она только тогда осознала, что больным уже никто никогда не понадобится...

Все это братья узнали потом от других людей. А в тот вечер Мария Фоминична произнесла лишь несколько слов:

— Они за все ответят.

Ночью Костя осторожно встал, вышел во двор.

* Быстрей! Быстрей!

Оглядываясь, он прокрался к старому каштану, откопал знамена, понес их в сарай. Сердце его громко стучало. Казалось, что кто-то смотрит за ним. Но мешкать было нельзя — Костя нырнул в сарай, быстро спрятал знамена под поленницей дров.

— Ты что там пропал совсем? — спросил Леня, когда младший брат вошел в дом.

— Да так. — Костя поскорее юркнул в постель, отвернулся, чтобы его больше ни о чем не спрашивали.

— Я уж хотел за тобой идти.

Костя не отозвался, сделал вид, будто уснул. Ой как хотелось рассказать обо всем Лене! Они хоть и ссорились между собой по мелочам, но были дружны, секретов один от другого не держали. И маму тоже можно было бы посвятить в эту тайну, но... он обещал молчать, он дал слово.

РАЗНЫЕ СТОРОНЫ «НОВОГО ПОРЯДКА»

Оккупанты убивали, грабили и в то же время улыбались на улицах девушкам, фотографировали красивые виды с Днепром и старинными соборами. Они били витрины, врываются в дома, жгли книги, в школах устраивали казармы, но говорили о гуманизме и культуре, призывали поддерживать «новый порядок», который принесли с собой, внушали, что они освободители.

В листовках, в газете «Украинское слово» * писалось о том, какая прекрасная жизнь будет теперь на освобожденной Украине, но в магазинах стало пусто, а цены на рынке бешено поднялись; с выбитыми стеклами замерли на линиях трамваи: не было электричества; водопровод бездействовал, киевляне потащились друг за другом к реке с бидонами и ведрами.

* «Украинское слово» — газета фашистского толка, издававшаяся на украинском языке.

На стенах и заборах еще сохранились карикатуры на Гитлера и других фашистских главарей, но оккупанты уже расклеивали свои плакаты, приказы и объявления. На плакатах изображалась красивая, богатая жизнь, которая ожидает украинцев, а в приказах коменданта Киева генерала Эбергарда велено было сдавать не только оружие и радиоприемники, но также излишки продовольствия и топлива. У кого могли быть эти «излишки»? Отбирали последнее. За невыполнение приказов — расстрел.

Костя и Леня видели, как всеми уважаемого человека — директора школы — избитого, в кровоподтеках, вели гитлеровцы, толкая прикладами в спину. Зато вор и пьяница Миня Спивак стал каким-то начальством в полицейском участке — он ходил при оружии, в черной форме с серыми обшлагами. Вот кому «новый порядок» пришелся по душе. Вот кто вместе с фашистскими головорезами учил население жить «по-новому». (Между прочим, Гитлеру принадлежат такие слова: «Любой фельдфебель может стать учителем, но не каждый учитель может стать фельдфебелем».)

Поразила весть, что расстреляли известного на Подоле голубятника Петра Сергеевича. Это был добрый, тихий старик. Всегда улыбался, давал начинающим голубятникам советы и бескорыстно помогал. Но, оказалось, вышел приказ: голубей уничтожить в двухдневный срок, а Петру Сергеевичу этот приказ на глаза не попался. Никаких объяснений старика оккупанты не пожелали слушать, расстреляли.

Еще оставались на домах указатели улиц с советскими названиями — Фрунзе, Коминтерна, Кирова, Карла Маркса, Фридриха Энгельса, а на зданиях, занятых фашистской администрацией, вывешивали флаги с черным пауком — свастикой и в окнах выставляли портрет Гитлера. Кое-где можно было увидеть портреты «героев» украинского народа — Мазе-

пы, Петлюры. В обращении ходили и советские деньги с изображением Ленина, и немецкие марки, на которых был орел, держащий в когтях свастику.

Солдаты, у которых на пряжках красовалась надпись «С нами бог», на грузовиках вывозили награбленное имущество из Киево-Печерской лавры (затем они ее подожгли, а Успенский собор взорвали).

* * *

— Леня, что это? — всплеснула руками мама.

Взглянув в сторону калитки, Костя увидел, как старший брат двигался к дому, прижимая к себе какое-то странное существо с длинной бородой, свиреповытаращенными глазами, в клетчатых штанах и сюртуке. Костя побежал навстречу и только когда остановился в нескольких шагах от Лени, понял, что брат нес огромную куклу. Костя узнал ее: она была выставлена в большущем окне магазина игрушек. Это был не кто иной, как Карабас-Барабас. В том же окне стоял и Буратино на тоненьких ножках, в островерхом колпаке и с золотым ключиком в руках. Были там и Айболит, и Мойдодыр, и пираты в полосатых тельняшках и со смешными пистолетами. Сколько раз Костя останавливался у этого окна! И вот теперь Карабас был у него во дворе.

Но сейчас он не казался страшным. Более того, вид у него был весьма плачевный: сюртук в пыли и пробит пулями, цилиндр на голове смят, плетку в семь хвостов он потерял, а хищная улыбка и вытаращенные глаза воспринимались как гримаса ужаса.

— Что это? — повторила подросшая мама. — Зачем?

На первый вопрос ответить было легко.

— Карабас, — сказал Леня и умолк.

Объяснить, зачем он принес домой огромную куклу, Леня не мог.

Немцы, грабя магазин игрушек, хватали все, что попадалось под руку, но Карабас был слишком велик — в посылке его не отправишь, с собой возить не станешь. Когда всё растащили и, довольные, с шутками и смехом, садились в грузовик, кто-то из оккупантов обернулся, посмотрел на пустую витрину, на одиноко застывшего Карабаса и вдруг наставил на куклу «шмайсер».

— Русише партизан! — театрально закричал солдат и выпустил в Карабаса очередь.

Карабас рухнул, борода его легла на тротуар. В грузовике дружно засмеялись.

— Курт, мы не знали, что ты такой храбрый.

— Его нужно наградить.

— Конечно... пинком по заднице.

Последовал новый взрыв смеха. Весельчак Курт перекинул на грудь автомат, сунул в ранец трофеи — медвежонка и матрешку — и тоже полез в грузовик.

Зачем подобрал Леня Карабаса (не играть же!)? Может, было жаль, что раздавят, растопчут, разорвут, как и все, что было связано с довоенным детством? Как бы там ни было, Карабас-Барабас теперь стоял во дворе, прислонившись к забору, оглядывал незнакомое место выпученными глазами и явно не знал, что предпринять.

Не знали, что делать с ним, и люди, окружившие его.

— Страшилище, — сказала Степанида, — чистый Гитлер.

— А борода у него настоящая? — спросила Светка.

— Настоящая, — сказал Леня, — потрогай.

— Да ну, — отмахнулась Светка и приблизилась на шаг к Степаниде.

— Хочешь, забирай Карабаса себе, — великодушно предложил Леня, но затем не очень удачно пошутил: — Только он кусается.

— Леня, как не стыдно, — проговорила Мария Фоминична. — Он шутит.

Светка все же наотрез отказалась от Карабаса, хотя и сказала:

— Я знаю, он вначале был злым, а потом стал добрым.

Пришлось Карабаса отнести в сарай.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Костя.

Брат пожал плечами:

— Не знаю. Пусть постоит, раз я его нашел.

— Лучше б ты нашел пакет муки — мама бы лепешек напекла.

В Киеве начали голодать. Продукты достать можно было лишь на рынке, а килограмм хлеба стоил там уже девяносто рублей. Кравчуков, конечно, выручала корова. Но теперь им за все приходилось расплачиваться молоком, себе почти ничего не оставалось. А большую часть молока они были обязаны сдавать на приемный пункт — таков был приказ новой власти, иначе корову отбирали. На этом пункте приемщик каждый день делал отметку, кто сдал молоко и сколько.

* * *

К Кравчукам заскочил Ким. В руках у него была корзина и маленькая саперная лопатка. Он слышал, что в районе Виноградаря на поле осталась невыкопанная картошка. Правда, там уже многие побывали.

— Идемте, — предложил он. — М-может, нам что достанется.

Ребята пошли к сараю, чтобы тоже взять корзины. Первым в дверь нарочно пропустили Кима.

— Ой, — выскочил он, — к-кто-то у вас?

— Никого, — Леня хитро подмигнул брату.

— Д-да нет. В-в углу с-стоит. В-во бородинца.

Братья рассмеялись, вошли в сарай. Позвали Кима:

— Иди сюда, не бойся.

— Я и не боюсь. Я только спросил, к-кто это.

В сарае, рассмотрев Карабаса, Ким, как и Мария Фоминична, спросил:

— З-зачем он вам?

— Зачем, зачем? — рассердился Ленья. — Пригодится!

— За него и к-куска хлеба не дадут.

— Ты откуда знаешь? — обиделся Ленья, хотя ему и в голову не приходило менять Карабаса.

— З-знаю, — потупил голову Ким. — Я уже н-несколько раз был на б-базаре, м-менял вещи.

— Ты?

— Ну да. Уже все отцовское п-проели.

— А Роза Семеновна что же... — Ленья запнулся: неловко было связывать учительницу с базаром. И поэтому Ленья спросил: — Болеет?

Но Ким его понял.

— Она не может, — сказал он. — Ей нельзя п-появляться на улице.

— Почему?

— П-патрули хватают евреев, — не сразу ответил Ким.

— А как же...

И опять Ким понял все с полуслова.

— У в-взрослых п-проверяют паспорта, а мне проще.

Только сейчас Кравчуки обратили внимание, как изменился Ким за последнее время. Похудел, лицо вытянулось, скулы заострились.

— Подождите, — сказал Ленья, когда они подошли уже было к калитке, чтобы выйти на улицу. — Я сейчас.

Через минуту он выбежал из дому с пол-литровой банкой молока. Это было молоко, которое Мария Фоминична оставляла сыновьям на обед.

— Бери, — протянул он банку.

— Нет, — отшатнулся Ким, — она теперь п-пятьдесят рублей стоит.

— Бери, — вмешался Костя, — мы ж тебе не за деньги.

— Вам от м-матери влетит.

— Да ты что, не знаешь маму? Бери, говорят.

По дороге Ким занес молоко домой, вернулся с книжкой.

— Это вам п-просила п-передать мама.

Леня покачал головой:

— Нет.

Но Ким настаивал:

— За молоко она говорит с-спасибо, а это так, чтоб ч-читали.

Костя взял книгу, понял, что нельзя было не взять.

— «Таинственный остров», — прочитал он на обложке. — Интересно?

Ким показал большой палец, взгляд его на миг просветлел.

— Про к-капитана Немо с-слышал? Почитаешь. — Но тут же глаза его вновь стали тревожными. — Мама г-говорит, чтоб вы з-заходили, она вам еще д-даст книг. Им в-все равно п-пропадать.

— Почему?

Ким не ответил.

— Ким, — сказал Леня, — давай возьмем с собой Довора.

— Его б-больше нет.

— Убежал?

— П-пристрелили.

— Как?

— Оч-ч-чень п-просто. Мы с ним г-гуляли в сквере. Он н-начал лаять на солдат... В-вот и все. Н-ну ладно, идем.

Когда пришли на картофельное поле, вначале подумали, не повернуть ли назад, столько там было на-

роду. Все с корзинами, сумками, рюкзаками. В каком направлении тянулись картофельные ряды, разобрать было невозможно. Поле перекопали вдоль и поперек. Как люди двигались по нему, чтобы находить картофель, тоже было непонятно. Одни шли вслед за другими и вновь рыли там, где все уже было перелопачено по многу раз. Люди рыхлили землю, разбивали комочки и что-то отыскивали — у каждого на дне корзины и сумки лежали мелкие, с орешек, картофелины.

— М-может, п-попробуем? — проговорил Ким, начал копать и разгребать землю и почти сразу нашел два крохотных клубенька.

Он подобрал их, очистил от налипшей земли и держал на ладони, видно, прикидывал, класть ли эти горошины в корзину.

— Что раздумываешь? — проворчала какая-то тетка. — Покрупнее захотел — иди на базар.

Часа через четыре у него и у Кравчуков вот такой мелочью были прикрыты лишь донышки. Затем и во все ничего не стало попадаться.

— Хватит, — сказал Леня и воткнул лопату в землю.

— М-может, еще немножко п-поищем?

Леня промолчал, не произнес ни слова и Костя, но тоже воткнул лопату и выпрямился.

— Ладно, — сказал Ким, — п-пошли.

Невесело они двинулись домой: устали, а толку почти никакого.

У трамвайного парка остановились. Несколько немцев забавлялись фотографированием. Каждый из них забирался в трамвай, садился на водительское место, делал серьезное лицо, и в это время на него наводили фотоаппарат и щелкали.

Вроде бы не было здесь ничего смешного, но немцы всякий раз поднимали хохот, когда в трамвае появлялся новый «водитель». А когда в вагон вошел мо-

лодой прыщавый укололицый солдат, на котором каска болталась, как горшок на шесте, все чуть не падали со смеху.

Ему сперва кричали, чтоб повернул голову правее, не то его дома не узнают. Он поворачивал. Затем велели голову приподнять. Он приподнимал. Тогда сказали, что так водитель подавит всех людей: он должен смотреть на рельсы. Он наклонял голову. Теперь его просили поправить каску. Он поправлял...

Словом, «козел отпущения» был найден. Солдаты гоготали, вопили, улюлюкали. А коротышка-ефрейтор, казалось, вот-вот помрет от приступов смеха: он покачивался, хватался за живот, лицо его пылало, глаза вылезли из орбит.

Костя посмотрел на ефрейтора и не выдержал, тоже рассмеялся.

Немцы обернулись. По мальчишкам скользнули беглые взгляды. Коротышка перестал трястись, каска с него схлынула. Лицо вдруг стало недовольным. То ли помешали ребята веселью своим появлением, то ли коротышка понял, что Костя смеялся над ним.

— Ком! * — Ефрейтор поманил его пальцем.

Костя сделал несколько шагов.

— Ком, мальчик! — прикрикнул ефрейтор и показал на корзину: — Дать!

Зачем ему нужна была плетеная рухлядь? На всякий случай Костя спросил:

— Это? — Он чуть приподнял корзину.

— Иа, йа! ** — Немец вырвал ее, заглянул внутрь.

И он снова затрясся в смехе, снова покраснел, правда, за живот больше не хватался, а подзывал всех рукой. Он говорил: вот, мол, какая у большевиков растет картошка, а они еще пытаются с нами вое-

* Иди!

** Да, да!

вать. Нет, вы только посмотрите, что за картошка! Где еще встретишь такую?

Коротышка-ефрейтор встряхивал корзину, и несколько картофелинок выскочило из нее и покатилося. Увидев, что Костя их подбирает, он еще сильнее стал трясти, а затем и вовсе перевернул корзину.

Все, что было с таким трудом добыто, раскатилось по мостовой. Лёня и Ким хотели помочь Косте, кинулись собирать, но Костя сказал:

— Не нужно, ребятъ, пойдёмте.

Тогда ефрейтор напялил ему корзину на голову и несильно пнул ногой.

— Вэг! *

Вновь началось фотографирование прыщавого «водителя» трамвая, и послышались шутки и гогот.

Ребята, не оглядываясь, побрели по улице.

Так они узнали, что при «новом порядке» смеяться могут лишь немцы. Вот голодать киевлянам позволялось **, мерзнуть тоже ***.

* * *

Нужно было торопиться домой: недолго уже оставалось до комендантского часа ****. И все-таки ребята подошли к афишной тумбе, возле которой толпился народ, — наклеен был очередной приказ.

Кравчуки прочитали, взглянули на Кима. А тот

* Проваливай!

** На дверях продовольственных магазинов и ресторанов появились дощечки с надписью: «Только для немцев», «Украинцам вход воспрещен».

*** Вслед за приказом о сдаче излишков продовольствия и топлива власти потребовали, чтобы население сдавало валенки. Носить их запрещалось. За невыполнение этого приказа нарушители карались так же, как и за незаконное пользование оружием.

**** Жителям Киева запрещено было появляться на улицах города с 18 часов до 5. За нарушение — расстрел.

стоял не шевелясь, лишь снова и снова пробегал глазами по черным строчкам.

В приказе говорилось, что все еврейское население Киева должно было явиться завтра к 8 утра с документами, деньгами и ценностями, а также с теплой одеждой. Указывалось место — на Лукьяновке (район Киева, расположенный возле огромного оврага, который окрестные жители называли Бабьим Яром). Было в приказе и предупреждение: кто не выполнит этого распоряжения, будет расстрелян.

Здесь же, возле тумбы, люди перекидывались двумя-тремя словами:

— Куда-то повезут?

— А куда?

— Кто знает. Велят теплые вещи взять.

— Значит, надолго.

— Может, и насовсем.

— Что вы имеете в виду?

— Всякое может быть.

Оставшуюся часть пути Ким шел молча. Кравчуки заговаривали с ним, но он был как в полусне, казалось, ничего не понимал и не слышал, лишь иногда односложно отвечал: «Да», «Нет».

У самого дома он вдруг протянул Косте свою корзину:

— В-в-возьми, м-мне б-б-больше н-не п-п-понадобится. — Он заикался сильнее обычного, смотрел не в лицо, а уставился взглядом в землю.

— Ким, да ты что? — тормозил его Ленья. — Пусть Роза Семеновна отварит — в дороге, знаешь, как пригодится. Мелкая картошка самая вкусная, чудак.

Ким не спорил, он, наверное, опять ничего не слышал. Повернулся и ушел, а корзинку оставил.

Братья двинулись за ним следом, но возле подъезда Ленья придержал брата:

— погоди.

— Чего?

— Лучше к ним не ходить, — подумав, произнес Ленья.

Настораживало и пугало уже одно то, что Ким, который больше всех старался на картофельном поле, вдруг бросил свою корзину и удалился, даже не взглянув на нее, будто не имел к ней никакого отношения. Теперь и Кравчуков охватила смутная тревога.

— Что будем делать? — спросил Костя и кивнул на оставленную картошку.

— Заберем. Не пропадать же.

Домой пришли подавленные. Мария Фоминична тоже обо всем знала: одна из листовок с приказом была наклеена у них прямо на заборе.

— Мам, что с ними будет? — спросил Костя.

— Не знаю. Плохи их дела.

— Почему?

— Потому что ничего хорошего ждать нельзя. Теперь может быть только хуже и хуже. Отнеси им завтра молока.

Утром вместе с молоком Мария Фоминична дала Лене несколько лепешек, сказала:

— Поторопись. Костю будить не будем. Отнесешь один.

Ленья вышел за ворота и ахнул. Такой ранний час, а на улице полно народу. И все двигались в одну сторону — туда, к Лукьяновке. Шли с детьми женщины, ковыляли старики, кого-то поддерживали, кто-то брел сам. Они несли с собой поклажу, но это было самое необходимое — еда, теплые вещи. Но некоторые мамы взяли с собой горшочки для детей, а одна женщина тащила на себе даже ванночку.

Среди шедших Ленья заметил старика сапожника Гуревича. На Подоле у него была каморка-мастерская. Сколько раз Ленья вместе с другими пацанами подбегал к его мастерской и стучал в дверь. «Войдите», —

приглашал сапожник. Ему стучали сильнее. «Войдите, говорю», — повышал голос Гуревич. В ответ раздавался такой стук, что тряслась вся сбитая из фанерных щитов хибара. Тогда старик догадывался, что это шалют мальчишки. «У кого такая крепкая голова?» — отпускал он свою неизменную остроуту и направлялся к двери. Пацаны разбежались.

Теперь Гуревич шел, перекинув через плечо узелок, а в руке нес ящичек с инструментами: как знать, в любой стороне есть нужда в сапожниках.

В толпе распространился слух, что на товарной станции Лукьяновка всех посадят в поезд. Но вот куда повезут? Одни говорили — в Германию, другие — в Польшу.

У пожилой больной женщины вдруг подкосились ноги. Ее успели подхватить, у кого-то нашлось лекарство, ей предлагали выпить.

— Оставьте меня, оставьте, — просила женщина, отстраняя лекарство. — Лучше я умру здесь.

Но ее не слушали, повели дальше.

Какого-то ссохшегося старичка везли в детской коляске, для этого срезали у нее одну сторону, чтобы он мог свесить ноги. Видно, он давно не передвигался, поэтому никакой специальной коляски или кресла на колесиках у него не было.

Людской поток затянул Леню, и на миг ему показалось, что он тоже идет с этими людьми к поезду, не зря у него с собой бутылъ молока и лепешки.

Лучанских дома не оказалось. Леня долго стучал им в дверь: думал, может, еще спят. Вышла соседка, сказала:

— Их нет.

— Не спят? — на всякий случай спросил Леня, хотя уже понял, что опоздал.

— Я сама их немного проводила.

— Куда?

Соседка лишь грустно усмехнулась, затем спросила:

— Мальчик, молоко не продашь?

— Это не мое... Для них.

Будто не расслышав, соседка сказала:

— Я хорошо заплачу.

Леня, прижимая к себе бутылку, повернул к двери.

— Мальчик...

Вначале он еще где-то надеялся, что отыщет Кима и Розу Семеновну в толпе. Но она с каждым кварталом становилась гуще. Царила нервозность. Дети плакали, но никто не останавливался, утешали на ходу. Казалось, уже ничто не сможет удержать эту толпу, повернуть ее в другом направлении. Задние подгоняли передних.

А что там, впереди?

Лица у всех сосредоточенные, растерянные, отчаявшиеся, беспомощные.

Кто-то уже кого-то потерял.

— Сима! — кричала женщина со сбившимися волосами. — Сима...

Крик ее был надрывный, безнадежный, страшный.

— Главное — первыми сесть в вагон, занять по-лучше места...

— А мы ключ оставили соседям. У нас соседи очень хорошие. Они присмотрят...

— Гарик, я больше не могу... Не могу, понимаешь, — говорила беременная женщина мужчине, который вел ее под руку.

— Ну потерпи еще немного, — просил он. — Чуть-чуть осталось... потерпи. Тебя пустят без очереди.

— Мне плохо...

Седой, интеллигентного вида старик недовольно говорил дочери:

— Нужно было выйти часа на два раньше. Я ведь предвидел...

— Мам, я хочу писать... — хныкал малыш.

— Немцы — педантичный народ. У них должен быть порядок...

— Куда спешите?.. Умереть?

— А, будь что будет...

— Сима... Сима... — Крик уже был глухой, хриплый.

Леня почувствовал, как и его начал бить нервный озноб. Скорей, скорей отсюда прочь, не то погибнешь. Как и почему, он не знал, но ощутил это с предельной ясностью. Наверное, все вокруг были под властью того же чувства. Но еще цеплялись за соломинку: может, и верно — впереди ждет поезд. А назад пути у них не было. Леня еще мог повернуть против течения: он не еврей.

Долго он проталкивался между стариками и женщинами, где-то протискивался, под кого-то подныривал — вырвался, пришел домой.

— Ленечка! — кинулась к нему Мария Фоминична.

Она больше ничего не произнесла, заплакала, прижимая к себе сына.

В другой раз Леня постарался бы освободиться от ее рук: стеснялся он таких проявлений материнской любви, а тут тоже вдруг всхлипнул, даже не обратил внимания на младшего брата, который стоял рядом.

* * *

Часа через два со стороны Бабьего Яра слышались выстрелы: Та-та-та-та-та... Четко и монотонно работали пулеметы.

Они строчили до самого вечера, пока не стало темно. Утром они снова начали свое: та-та-та-та-та...

В те дни были расстреляны десятки тысяч ни в чем не повинных жителей Киева. О том, как глумились над ними эсэсовцы, узнали киевляне от несколь-

ких человек, которые ночью выбрались из оврага, заваленного трупами.

За два года оккупации Киева в Бабьем Яре погибли также тысячи украинцев и русских.

Гитлеровский приказ «О поведении войск в оккупированных странах Восточной Европы» предписывал: «Не останавливаться перед уничтожением мирных жителей, включая женщин и детей».

Свою смерть нашли в Бабьем Яре многие военнопленные. Там же были расстреляны и футболисты киевского «Динамо», не согласившиеся проиграть фашистам.

Все эти расстрелы, зверства, грабежи, унижения именовались «новым порядком».

НА ПУСТЫРЕ

День ото дня Костя все больше и больше беспокоился: нужно было перепрятывать знамена, лежащие под поленницей дров. Кравчуки топили редко: берегли дрова. А все же небольшая поленница, замаскированная в сарае всякой рухлядью, таяла. Оставшегося не хватило бы и до зимы: холода наступили рано, в ноябре то и дело срывался снег.

Словом, знамена вот-вот могли обнаружить. В сарай заглядывали не только мама и брат, но и Степанида со Светкой — у них там тоже лежало кое-какое добро.

Насчет нового тайника Костя уже все продумал. Неподалеку от заброшенной железнодорожной насыпи, где летом часто пасли Зорьку, было несколько водосточных колодцев. Крышка одного из них выходила на участок, заросший кустами и бурьяном. Еще как-то до войны Костя спускался туда по железным скобам, которые выступали из стены. Внизу, на самом дне колодца, слева и справа были два круглых отвер-

стия. Весной, когда таяли снега, и в дождливую осень через эти отверстия бежала вода.

Кое-где в стенах колодца имелись углубления. Костя и решил сверток со знаменами подвесить на проволоке в таком углублении. Проволоку он приготовил, а недавно нашел на обочине большой кусок брезента. Оставалось лишь завернуть знамена в брезент и вынести из дому. Но днем во дворе все время кто-нибудь находился, а выскочить вечером в темное время тоже было нельзя: в комендантский час на улице не появисься.

И все же удалось уйти со двора незамеченным. В тот день Светка прибежала домой мокрая с головы до ног.

— Светка, — всплеснула руками Мария Фоминична, — где ж ты так искупалась?.. Скорей в дом, я тебя разотру.

Девочка ничего не говорила, плакала и тряслась от холода.

Степанида в это время была на базаре: понесла свой шерстяной платок, хотела обменять на какое-нибудь детское пальтишко. У Светки зимней одежды не было: родители привезли ее в Киев летом на короткий срок, а вон как все закрутилось. Светка теперь ходила в бабкиных вязаных кофтах, напаяленных одна на другую. Вид у нее был и смешной и жалкий — кофты болтались, словно на огородном пугале.

Мария Фоминична раздела Светку, растерла сухим полотенцем, уложила в кровать, дала горячего молока. Светка согрелась, успокоилась. Только тогда рассказала она, что ее облили из окна школы.

У немцев, устроивших в школе казарму, была такая забава: когда мимо проходили ребята, кидали им конфету или кусок сахара — голодные дети бросались подбирать, и тут сверху на них выплескивали ведро воды.

Об этом кто знал, кто нет. Светка не знала, вот и поплатилась.

Пока Мария Фоминична занималась с девочкой, к Лене пришел Сашко, и они куда-то отправились.

Во дворе никого не осталось. Костя на всякий случай заглянул за калитку, не идет ли Степанида, и метнулся к сараю. Завернутые в брезент знамена положил в мешок, сверху бросил свою старую куртку, изношенные ботинки, прокопченный судок. Если кто спросит, думал он, скажу, иду на базар выменивать. На что? Ну хотя бы на пяток картошек. Не дадут? Ну на три.

Торопливо он пронес мешок через двор, пошел по улице. Почему-то казалось, все будут на него смотреть. Но никто не обращал внимания: идет себе мальчишка с мешком — что особенного?

В самом конце улицы он столкнулся нос к носу с полицаем. У полицая было мятое лицо такого же серого цвета, как и отвороты на его форме. Полицай вроде бы не заметил Костю, водянистые глаза глядели куда-то мимо. Костя хотел обойти его, но полицай произнес:

— Стой, — и поманил пальцем.

Он по-прежнему смотрел в сторону, а рукой уже тянулся к мешку.

— Что несешь?

— На базар, дяденька.

— Покажь.

Костя положил мешок на землю.

«Про знамена скажу: нашел, — мелькнуло в голове, — подобрал сверток в бурьяне».

Полицай повертел судок, бросил к ногам. Почерневшая посуда была ему не нужна.

— Еще что? — Протянутую руку он не убирал, а глаза так и оставались уведенными вбок.

«Да он косой», — догадался Кравчук.

— Вот. — Он подал полицая старые ботинки.

Тот лишь поморщился, к ботинкам не прикоснулся. Сказал:

— Что такой мусор на базар тащишь?

Но не уходил. Видно, надеялся, а вдруг что перепадет.

Костя сунул назад ботинки, вынул куртку. В этой куртке он помогал матери убирать в хлеву. Полицай брезгливо повел носом, махнул рукой:

— Ступай.

Подобрав судок, Костя двинулся дальше. Никто его больше не остановил.

На пустыре возле железнодорожной насыпи Костя несколько раз огляделся — кругом не было ни души. Шелестели на ветру стебли высохшего бурьяна. Откуда-то издалека (с Бабьего Яра?) еле слышно доносилась пулеметная очередь.

— Ну, гады, дождетесь. Наши придут, — проговорил Костя вслух и полез в мешок за свертком.

В руках была дрожь: то ли переволновался с полицаем, то ли далекий пулемет полоснул по нервам. Лишь когда подержал в руках сверток, успокоился. Очень хотелось развернуть его, чтобы знамена полыхнули живым красным светом на заброшенном буро-сером пустыре в этот тусклый день, на этой затоптанной врагом земле.

Костя осторожно начал спускаться в колодезь. Ржавые скобы обжигали ладони холодом. А торопиться нельзя: сорвешься — так и останешься здесь навсегда, никто тебя не увидит, не услышит, не найдет. Да если и придут немцы на твой крик, расстреляют на месте.

Вот оно, углубление в стене. Костя примотал к свертку проволоку, подвесил. Теперь можно и выбирать. Но покидать тайник не хотелось. Здесь, рядом со знаменами, Костя чувствовал себя лучше. Только они сейчас связывали его с прежней жизнью и подбадривали: Красная Армия вернется, освободит.

Без движения Костя начал было уже совсем замерзать. «Пора, — сказал он себе, — поднимайся». И вдруг заметил, как легкая тень шевельнулась по стенке колодца. Костя вжал голову в плечи.

Тень!.. Значит, кто-то заглянул в колодец. Кто-то смотрит сверху. Костя не решался поднять голову, но уже ощущал на себе чей-то взгляд затылком, плечами, всем телом.

Вот-вот резанут слух непонятные отрывистые слова. Означать они будут одно: вылезай, что делал, кто такой?

Сейчас они прогремят... Сей миг... Сию секунду...

Но почему же все так затягивается?.. Отчего медлят?..

Костя не выдержал — будь что будет — запрокинул голову. Над собой он увидел собачью морду. Рыжую, лопоухую, с высунутым языком.

На радостях он чмокнул губами. Морда исчезла.

Он вылез наружу. От страха, который холодной тяжестью только что навалился на Костю, не осталось и следа. Кроме немецких овчарок, с которыми шла иной раз полевая жандармерия по улицам, он давно уже не видел никаких собак. Их успели перестрелять. А тут вдруг обычная рыжая дворняга. Откуда же ты взялась? Как уцелела? Косте так захотелось погладить ее, потрепать по вислым мягким ушам, но собака была далеко — рыжей точкой мелькала среди серых кустов. «Только не выбегай на улицу — застрелят, — мысленно посоветовал Костя. — Да ты, видно, сама знаешь. Умная, коли жива до сих пор».

С пустыря он уходил, не оглядываясь. Вроде бы и спокойнее должно было стать на душе: спрятал знамена, а все же казалось, оторвал их от себя, лишился какой-то опоры.

— Я буду к вам приходить, — тихо пообещал он им, словно они были живые. — Вот увидитс.

СОБЫТИЯ, СОБЫТИЯ...

Когда через два дня Сашко вновь пришел к Кравчукам, на Подоле только и было разговоров о двух партизанах, повешенных на Владимирской горке.

— Пошли посмотрим, — предложил Сашко.

Близко к тому страшному месту они не решились подойти. Стали шагов за сто до виселицы. Но и отсюда было хорошо видно двух повешенных мужчин — головы у них запали набок, лица почернели. На груди у каждого белела картонка с надписью. Издалека ребята не могли прочитать, но по рассказам знали, что там было намалевано: «Я стрелял в немецких солдат».

Возле виселицы прохаживался часовой. Он не отгонял тех, кто подходил. Подходить разрешалось. Часовой был приставлен так, для порядка.

Ребята возвращались подавленные. Хоть и слышали они о повешенных, а все же думалось: мало ли что люди говорят? Теперь шли молча. Говорить ни о чем не хотелось: перед глазами каждого чуть покачивались двое с почерневшими лицами.

* * *

Когда вернулись на свою улицу, на углу их чуть было не спшибла машина. Это был потертый штабной автомобиль, в который напихивалось офицеров, как сельдей в бочке. Сейчас он был пуст, лишь один фельдфебель сидел за рулем. Он что-то закричал увернувшимся от колес мальчишкам и погрозил кулаком.

Машина не уехала далеко. Она нырнула в проулок и остановилась.

— Он сюда каждый день приезжает, — сказал Сашко.

— Ты откуда знаешь?

— Сколько раз видел. Он к полицаю обедать ездит. Вон в тот дом.

Сашко показал на маленький домик, спрятавшийся за кустами сирени. Кустов было так много, что даже сейчас за голыми ветвями нельзя было рассмотреть окна.

Фельдфебель приехал не с пустыми руками. Под мышку он сунул кусок сала, завернутый в газету, затем подхватил за связанные лапки двух кур.

— Обжираются, — со злостью произнес Сашко.

— Давай камнем по машине шарахнем. По стеклу, а? — предложил Ленья.

У Сашко глаза так и загорелись, но тут же потухли.

— Нельзя, — сказал он, — услышит и выскочит.

— А шины? — сказал Костя.

— Что шины? — повернулся к нему Сашко.

— Проколоть.

— Молодец... — Сашко радостно потер руки. — Вы постойте здесь, не подходите к машине, а я сбегаю домой.

— Зачем?

— Принесу шило.

Он жил поблизости и прибежал назад через несколько минут.

— Вот, — проговорил он и показал длинное тонкое жало, насаженное на деревянную рукоятку. — Вы меня прикроете, будете загораживать, а я быстро — раз, раз — и все четыре колеса.

— Нет, — сказал Ленья, — ты два и я два.

— А я? — не выдержал Костя. — Я тоже хочу.

— Мало ли что хочешь. — Ленья попытался взглянуть на младшего брата свысока.

Но Костя сказал:

— Кто все это придумал? Может, ты?

— Ладно. Не спорьте. Всем достанется.

Он первый проколол две шины, по одной — братья

Кравчуки. У Кости от волнения сразу не получалось. Шило не шло в жесткую резину.

— Дай-ка я, — не вытерпел Ленья.

Младший Кравчук чуть не плакал с досады, но шило не отдал.

— Ты нажимай и верти, — подсказал Сашко.

Наконец резина поддалась. Костя вогнал шило по самую рукоятку.

— Тикаем, — произнес Сашко.

Автомобиль уже начал слегка крениться на одну сторону: первая проколотая шина теряла форму, продавливалась.

Пацаны убежали, забрались на крышу одного из домов на другой стороне, залегли.

— Теперь немец попляшет возле машины, — говорил Костя.

— Тише, — толкнул его локтем старший.

Когда фельдфебель вышел, отобедавши, автомобиль стоял ровно на четырех спущенных шинах. Полицай, увязавшийся провожать немца, что-то говорил, размахивая руками. За обедом они выпили горилки, лица их пылали, походка была нетвердой.

Разговаривая, они ничего не заметили. Немец сел за руль, хлопнул дверцей, включил мотор. Полицай махнул рукой. Машина дернулась, но не покатилась легко и свободно, а через силу проволоклась несколько метров и стала.

Немец выскочил, обежал ее кругом, ругаясь и пиная ногами шины. Из-под сиденья он хватанул автомат и длинной очередью ударил по домам.

Кравчуки и Сашко втянули головы в плечи. Где-то внизу зазвенело стекло. Уж не увидел ли он их?

Но фельдфебель что-то орал полицая; тот стоял растерянный, смотрел провинившимся псом, краска с лица его мгновенно сползла.

Оставив полицая возле машины, немец куда-то то-ропливо зашагал. Не теряя времени, мальчишки ти-

хонько слезли с крыши, дворами пробрались на соседнюю улицу.

Пока подошли к дому Кравчуков, страх улетучился, и теперь они наперебой вспоминали подробности, острили и смеялись.

— Хлопцы, — захлебывался Сашко, — а машина-то — тыр-пыр — и как черепаха...

— А немец-то, — добавлял Леня, — как чумовой носился... Будто псих ненормальный...

— Точно, — подхватывал Костя, — а из автомата как он психанул...

— Пуля рядом со мной пролетела, — врал Сашко.

— Ага. И со мной, — не отставал от него Леня. — Чуть не задела...

Костя тоже хотел было присочинить про пулю, которая почти царапнула его, и уже потрогал дырку на брючине возле колена (зацепил за гвоздь, когда лез на крышу), но все же решил, что неинтересно повторяться за всеми, и сказал:

— А полицай-то как испугался. Стоял дрожал...

— С полными штанами, — добавил Сашко.

И мальчишки покатались со смеху.

* * *

Так стояли они у ворот в веселом расположении духа, чувствовали себя героями, и на какое-то время вражеские солдаты опять показались им круглыми дураками и уродами, как на карикатурах, которые помещались раньше в газетах.

И вдруг, взглянув в конец улицы, Костя увидел, как оттуда, где был небольшой изгиб, медленно начала вытекать густая безмолвная толпа.

— Что это? — проговорил он.

Леня и Сашко тоже посмотрели в ту сторону, но не смогли понять, что за люди показались, которых как бы выдавливало на улицу из-за поворота. Лишь когда толпа приблизилась и по ее краям проступили серо-

зеленые цепочки автоматчиков, стало ясно: ведут пленных.

Это были матросы. (Потом говорили, будто все они из Днепровской флотилии.) Пленные не походили на живых людей. Колонна шла беззвучно, никто не глядел по сторонам, раненые — а их было немало, перевязанных грязными бинтами и тряпками, — не стонали, не охали. Застывшие глаза были устремлены вперед. Серые отрешенные лица не выражали ничего, кроме смертельной усталости и безразличия.

Двигались не люди, а полутени. Как-то механически, сами по себе ступали их ноги в развалившихся ботинках, или босые, сбитые в кровь, или обмотанные какой-то рваниной.

Некоторые из пленных были, несмотря на холод, только в драных тельняшках, настолько почерневших от грязи, что и полосок на них уже нельзя было различить. А двое шли голые по пояс. Их ребра и ключицы выпирали так, что казалось, вот-вот лопнет натянувшаяся кожа.

На руках у матросов позвякивали цепи. Костю это поразило больше всего. Цепи для людей — он видел это лишь в кино. В фильме «Дети капитана Гранта». Но там показывали давние времена, когда были чернокожие рабы, когда людей продавали и покупали. Но вот сейчас, своими глазами увидеть цепи на человеке было непостижимым.

По обе стороны колонны шагали конвойные. Рядом с истощенными матросами немцы представлялись несокрушимо крепкими. «Шмайсеры» в их руках к тому же в любую секунду могли изрыгнуть огонь, треск, потоки пуль, короче говоря, смерть. Вид толпы из полуживых существ, полутеней и серо-зеленых громил с автоматами должен был внушать одно — этот строй, этот порядок незыблем, ничто не может его нарушить, поколебать, сломить.

И все же Костя как-то упустил момент, прозевал,

когда в промежуток между конвойными вбежала женщина с сумкой и начала торопливо совать пленным вареную картошку.

В колонне что-то дрогнуло, смешалось, и вот уже десятки рук с цепями тянулись к женщине, хватали картофелины, запихивали их в рот и снова тянулись, как к чуду, как к спасению.

Рослый немец, что был ближе других к этой вдруг образовавшейся в колонне толчее, кинулся к женщине, ударил ее наотмашь. Выронив сумку, она схватилась за окровавленное лицо, и тогда он хорошо отработанным движением пнул ее в живот. Она вскрикнула, согнулась, как бы враз переломившись.

На какой-то миг пленные замерли, уставившись на женщину, оседавшую к земле, и на рослого конвоира, который остервенело топтал сумку с картошкой.

— Ну, пес, держи. — Один из матросов со светлым чубчиком вдруг бросился к немцу и с ходу ткнул его головой.

Удар, может, был и несильный, но неожиданный — конвоир рухнул на мостовую. Он тут же попытался встать. Но ему наступили на руки, на ноги.

— Братишки, погибать, так с музыкой! — крикнул матрос с чубчиком и принялся рвать на себя автомат сбитого конвоира.

Немец пытался звать на помощь. Матросу все же удалось отобрать «шмайсер», но скованные руки не позволяли свободно и быстро управиться с автоматом. Подоспевшие конвоиры в упор дали несколько очередей по сгрудившимся матросам, и те повалились на перепуганного немца, который вначале не мог разобраться, кто стрелял и по кому. Но вот ему помогли выбраться из-под кучи тел, он выхватил у безжизненно распластавшегося матроса свой «шмайсер», и вновь лицо его исказилось злобой и яростью. Озверевший, он начал коваными каблуками давить всех, кто был рядом — и убитых, и раненых, только хруст пошел. Потом он рас-

стрелял в них все патроны, что были в «шмайсере», и лишь после этого тяжело шагнул прочь, швырнув в кровавую грудку пустой рожок автомата.

Тела матросов немцы запихнули в подъехавший грузовик, увезли.

А колонна все текла, текла, текла...

Костя потом не раз видел, как гнали военнопленных, но цепей на них больше не было. Вместе с другими киевлянами он кидал им через забор картошку, свеклу, хлеб, кидал, случалось, последнее, что имел, кидал съезжившись, сжавшись в комок (сейчас полоснут из автомата!), но обошлось...

БЕГЛЕЦ

Время от времени Костя ходил на пустырь возле насыпи, проверял, на месте ли сверток со знаменами, надежно ли закреплен. Он старался делать это незаметно, когда собирал хворост.

Как-то в кустах возле колодца он заметил человека. Тот лежал на снегу и смотрел прямо на него. «Выследили» — была первая мысль. Потом он подумал: может, случайно нашли, а теперь хотят узнать, кто спрятал? Что же делать?.. Повернуть назад? Поздно. Только вызовет подозрение: шел, шел и вдруг ни с того ни с сего повернул. Лучше идти вперед.

Он уже прошел мимо лежащего человека, как услышал:

— Эй, хлопец.

Костя вздрогнул. Убежать? Пальнет в спину, и все. Нет, нужно отозваться.

— Что? — спросил Костя.

— Подойди сюда.

Костя приблизился.

— Здесь живешь? — спросил незнакомец.

— Здесь...

— Хлеба нет с собой?

«Нет», — хотел ответить Костя (не напасешься на каждого встречного!), но тут рассмотрел, что незнакомец был невероятной худобы. Рука невольно полезла в карман, вытащила кусок хлеба — все, что было у Кости на сегодняшний день до вечера.

— Возьмите.

Он уже понял, что перед ним беглец: такими худыми и заросшими были только военнопленные.

Человек не набросился на хлеб, не запихнул его весь в рот, как делали те, которых вели в колонне (у них ведь могли отобрать, к тому же они не знали, что их ждет завтра, даже сегодня и даже через час). Незнакомец отломил от хлеба несколько крошечных кусочков, медленно пережевывал их, словно очень старался распробовать, а большую часть куска спрятал за пазуху.

«Хлеб ему понадобится потом, — догадался Костя. — Куда он теперь пойдет? Сколько ж ему идти, ползти, скрываться?»

— Немцы тут близко? — спросил человек.

— В эту сторону близко, в первых домах стоят, а там, — Костя показал рукой, — никого нет. Вы, дядь, туда тикайте.

Незнакомец пошарил в кармане, протянул Косте перочинный ножик.

— Бери. Это за хлеб.

— Что вы, дядь! Я вам за так отдал.

— Спасибо, сынок. — На заросшем лице незнакомца появилась слабая улыбка. — Одежду достать не сможешь?

Костя растерялся: дома у них не было одежды на взрослого мужчину.

— Очень нужно, — сказал незнакомец, — в солдатской форме и шага не сделаешь. Сам знаешь...

— Знаю. Вы подождите здесь. Я схожу.

Пришлось рассказать о беглеце маме. Мария Фомина тревожно взглянула на Костю.

— Да за такое нас... — И не договорила. — Роста он хоть какого — высокий или что?

— Среднего, — тихо произнес Костя, — а может, высокого. Не разобрал я: ведь лежит.

— На снегу, — вздохнула Мария Фоминична. — Побystрее нужно с одеждой-то. А где возьмешь?

Одежду она могла достать единственным путем: выменять на молоко. Но молока не хватало. Они сами-то его почти не пили. Удой у Зорьки был низкий: ее держали впроголодь, сена оставалось чуть-чуть — бергли, сэкономили.

Зорька жалобно мычала, как только Мария Фоминична входила в хлев; она смотрела на свою хозяйку большими умными глазами и словно спрашивала: за что меня так, в чем я провинилась? Мария Фоминична обнимала ее за шею и чуть не плакала.

— Зоренька, — говорила она, — кормилица наша. Потерпи, милая, потерпи.

Больше половины молока мать сдавала на приемный пункт. Она была обязана так делать, иначе бы корову отобрали. Остальное нужно было менять на картошку и хлеб.

Вот и получалось — корову держали, а сидели без молока.

Но Мария Фоминична думала сейчас и о другом: у кого выменять одежду? Всем знакомым было известно, что мужика в доме нет, зачем же вызывать подозрение, а на базар с одной бутылкой молока не отправишься: скажут, мало, тетка, даешь. Пообещать чужим людям — завтра, мол, еще принесу да еще столько-то дней буду носить — кто поверит.

Сходить к родителям в поселок Ирпень, взять у отца? Но есть ли у него? И времени уйдет много — до комендантского часа не успеешь. Нет, вариант с родителями отпадал.

И все же нужно идти к тем, кого хорошо знаешь. Она решила пойти к своей подруге Вале Кравченко.

Муж у той был на фронте. Может, осталось что от него? Может, не все обменяла?

— Зачем тебе? — спросила Валя, когда Мария Фоминична объяснила ей, для чего пришла.

— Нужно...

Не наплась, что сказать Мария Фоминична: врать подруге не хотелось.

— Никак замуж собралась? — пошутила Валя.

Мария Фоминична поняла: нужно выкладывать все вчистую. Вале она доверяла. Давно они сблизились. Сколько раз говорили по душам, помогали одна другой, советовались. Скажи сейчас неправду, догадается Валя. Может, и виду не подаст, а неприятный осадок останется.

— Спасти человека хочу, понимаешь? — открылась Мария Фоминична.

— Кто он? Откуда?

— Не знаю. Из лагеря бежал.

Валя молчала.

— В снегу он лежит. Дождается, — заговорила Мария Фоминична.

Валя произнесла:

— Один костюм Гришин остался. Выходной. — И опять замолчала.

— Я пойду, — сказала Мария Фоминична.

— Бери. — Валя кинулась к шкафу. — Гриша вернется, другой купим. Лишь бы вернулся. — Она смахнула слезу. — И рубашка вот, и ботинки.

Мария Фоминична поцеловала ее, вынула бутылку молока.

— Это тебе.

— Нет, нет. Отдай ему. Может, и мой так же вот в снегу замерзает.

В старом мешке Костя принес беглецу костюм и молоко.

— Сынок... — повторял солдат. — Сыночек...

Он так разволновался, что не мог больше ничего вымолвить.

А Костя вдруг почувствовал себя по-настоящему взрослым: он спасал человеческую жизнь, спасал красноармейца — тот проберется к своим и опять возьмет в руки оружие. Как знать, может, этот солдат будет выгонять немцев из Киева, дойдет аж до самого Берлина и поймает там распроклятого Гитлера.

— Дядь, — Костя вспомнил, что мама передала ему еще зеркальце и ножницы, — вам подстричься надо. Очень вы обросли.

— Дай-ка. — Солдат взял зеркальце, посмотрел. — Не узнаю, — сказал он. — Не я. Старик какой-то.

Он все же подровнял бороду, подправил виски. Вдруг улыбнулся.

— При таком костюме хоть сватов посылай. — Но сразу опять посерьезнел. — Жаль, костюм новый. Постарее бы что. Я его враз истаскаю. — Он кончил подстригаться, отдал Косте зеркало и ножницы. — Ну, сынок, а теперь иди. Не стой возле меня: приметят.

Костя сделал шаг, но остановился, спросил:

— Дядь... Красная Армия вернется?

— Конечно, вернется. А ты как думаешь?

— И я думаю, вернется. А полицаи брешут, что армия наша разбита и будто немцы Москву взяли...

— Так ты же сам говоришь — брешут. Собаки тоже брешут. Ну прощай, сынок. Не задерживайся здесь.

ЛИСТОВКИ

Весной, лишь только сошел снег, Зорьку стали выгонять на луг. Изголодавшаяся за зиму, она накидывалась на пожухлую прошлогоднюю траву, словно перед ней была сочная отава.

Костя иной раз гонял корову на пустырь к своему колодцу — проводывал спрятанные знамена. Однажды, появившись там рано утром, он увидел повсюду белев-

шие листки размером чуть меньше тетрадной странички. Это были листовки, сброшенные ночью с самолета.

Прочитав одну из них, Костя почувствовал, как сердце его бешено заколотилось. От радости захотелось петь и смеяться. Он даже подпрыгнул на месте, и Зорька, перестав жевать, взглянула с удивлением — что это, мол, приключилось.

В листовке рассказывалось о разгроме фашистских войск под Москвой и о потерях, которые несет враг на всех фронтах. Она призывала жителей оккупированных городов и сел уходить в подполье, становиться партизанами, вредить гитлеровцам, как только можно. «Не давайте извергам покоя ни днем, ни ночью. Пусть земля горит под ногами оккупантов» — было написано в листовке. И еще там говорилось: Красная Армия вышвырнет врага отовсюду, наступит час освобождения.

Костя готов был перечитывать листовку бесконечно. Он подумал, как обрадуются мама и Леня, когда тоже возьмут ее в руки. И вообще нужно так сделать, чтобы побольше людей прочитали ее. «Прочти и передай другому» — было сказано в листовке.

Он насобирал целую пачку, сунул за пазуху, принес домой. Маме он показал лишь одну, остальные спрятал в сарае.

— Ты где взял? — строго спросила Мария Фоминична, прочитав. А глаза у самой так и заблестели. — Разве можно ее брать? А если б нашли... Отнеси — положишь где-нибудь незаметно.

— Ладно.

Когда он остался вдвоем с Леной, сказал:

— У меня их, знаешь, сколько? Штук двадцать.

— Врешь, — не поверил брат.

— Идем, покажу.

Леня жадно хватал листовки, заглядывал в каждую из них, словно сомневался — то ли там напеча-

но, наконец взял их все вместе двумя руками, прижал к себе.

— Костька, — задыхаясь, проговорил он, — знаешь что?.. Давай... давай их расклеим.

— Где?

— На домах, на заборах.

— А клей?

Леня почесал затылок. Действительно, не было ни клея, ни кистей. Предложил:

— Давай я за Сашко сбегаю. Вместе что-нибудь придумаем. Он головастый.

Костя понимал, что брат просто хотел поскорее рассказать обо всем приятелю, но согласился. После того как они прокололи шины у фельдфебеля, Костя стал относиться к Сашко с доверием.

— Хорошо, — сказал он, — беги.

Сашко тоже накинулся на листовки, перечитывал их, поглаживал рукой.

Решили, что обойдут с листовками несколько домов: кому под дверь подкинут, кому положат в почтовый ящик. И все же чего-то не хватало в их решении. Все трое это чувствовали, но что нужно сделать, не знали.

Наконец Сашко сказал:

— Хлопцы, а хорошо бы немцев напугать. Чтобы листовочку — хоп — оставить на видном месте. Да подписать: партизаны. Вот поджилки затрясутся.

В тот день они разнесли по домам почти все листовки. Оставили только три.

* * *

Назавтра мальчишки отправились к центру города.

Там была налажена своя, особая жизнь. Ходил пассажирский трамвай (на Подоле лишь грузовой), открылись магазины, парикмахерская, в театре оперы и балета давали спектакли. Сомневаетесь? Напрасно. Вон

висят афиши. Читайте: «Лебединое озеро»... В кинотеатрах шли фильмы: «Петер», «Маленькая мама», «Индийская гробница»...

При беглом взгляде все это могло напомнить о довоенной поре. Уж верить ли глазам своим? Что такое — обман зрения?

Нет, нет, киевляне хорошо знали: на прежнюю жизнь здесь не было ничего похожего. Даже отдаленно, даже чуть-чуть.

На дверях магазинов и ресторанов висели дощечки: «Украинцам вход запрещен» или «Только для немцев». Возле театрального подъезда красовалась оскорбительная надпись: «Украинцам и собакам входить воспрещается». В трамваях местному населению разрешалось находиться в задней части вагона (передней дверью пользовались немцы). Если же киевлянин вздумал вдруг пойти в кино, он мог приобрести билет лишь на худшие места (разумеется, в дневное время, вечерние сеансы — привилегия немцев).

А что касается тех гражданских лиц, которые ходили по центральным улицам одетые во все новое, с иголочки, то это были опять же немцы — разные заготовители, хозяйственники, агенты торговых фирм, администраторы. Их жены щеголяли в красивых, модных платьях, в мехах. Они прогуливались чинно, не спеша. Мало того, еще вели с собой какую-нибудь собачонку — идет она рядышком на поводке, семенит крохотными лапками, на все недовольно поглядывает: куда, мол, меня привезли. Мясо-то ей небось давай лучшие куски, иначе жрать не будет, морду отвернет. Тьфу!..

Сашко и Кравчуки долго бродили по центру, присматривались. У каждого из них было по листовке. Кроме того, у Сашко в кармане лежал тюбик клея синтетикона, который он разыскал в письменном столе отца. Этот клей с пренеприятным запахом уже довольно загустел, но пользоваться им можно было, Сашко проверил.

Они прошли по противоположной стороне мимо комендатуры, полицейского управления, биржи труда — везде или стояли часовые, или было слишкомлюдно: листовку не прилепишь.

Возле биржи все же задержались, хотя народу там было особенно много: шла регистрация тех, кого угоняли в Германию. В основном это были девушки и молодые женщины. Глаза у всех красные; в лицах, опухших от слез, тоска и отчаяние. Были здесь и провожающие — старики, старухи. Какая-то сухонькая бабка в черном платке припала к молодой, выла и выкрикивала лишь одно слово:

— Доченька... доченька...

— Не надо, мама, не надо, — говорила дочь, поглаживая ее по сутулой спине. — Я вам буду писать, мама...

— Ой, доченька...

Голосили и другие старухи. Деда курили едкие, вонючие самокрутки, молчали. Тяжко было в этой толпе. В немецкую неволю провожали как на смерть.

— Ганка, — причитала седая женщина, — кровинушка моя... Чует сердце, не увижу тебя больше...

А у Ганки глаза голубые-голубые, как днепровская вода в ясное утро. Смотрит Ганка этими глазами на мать, на толпу и ничего не видит. словно омертвели глаза, словно вышла из них вся жизнь.

Стены биржи пестрели от объявлений и плакатов. Можно было подойти и прочитать. Оказывается, Германия «предоставляла возможность для полезной и хорошо оплачиваемой работы». Оказывается, в Германии все будут «хорошо обеспечены» и найдут «хорошие жилищные условия». А с цветных плакатов на толпу, улыбаясь, взирали парубки и дивчины в национальных одеждах. Они призывали: «Поезжайте в прекрасную Германию. 100 000 украинцев уже работают в свободной Германии. А ты?»

Ни одной улыбки не было в ответ. Горьким горем

придавило всех, кто пришел сюда. Еще никто не знал, на какую каторгу они отправляются. Еще не были получены письма из неметчины, расплывшиеся от слез и вымаранные цензурой так, что оставалось два-три слова...

— Доченька... — надрывно летел стон. — Доченька...

Сашко дернул за рукав Леню:

— Идем отсюда.

— Подожди. А может...

— Чего «может»?.. Смотри — народу. Что тут сделаешь?

Леня промолчал. Косте тоже не хотелось уходить. Он понимал брата. Именно здесь бы, среди этих людей оставить листовку.

— Сашко, — попросил он, — дай мне тюбик.

— С ума сошел?

— Я мигом. Никто не заметит. Я подойду к стене, а вы загородите. Ну как тогда возле машины.

Через несколько минут листовка уже была на стене. Костя наклеил ее прямо на немецкое объявление. Он действовал быстро, даже не успел ощутить страха. Страх сковал его позже, когда он увидел совсем неподалеку от себя полиция. Тот даже вроде бы смотрел на него. Двинулся. Ближе, ближе... Сейчас схватит. В голове пульсировало: «Беги, беги, беги...» А сам словно прирос к земле, не мог шевельнуться. И последняя мысль, как удар: «Конец!..»

Полицияй прошел мимо.

И вообще в той толпе, полной страдания и безутешности, никто не замечал трех пацанов, которые появлялись то там, то здесь. Впрочем, это мало их трогало. Обидно было другое: никто не обращал внимания и на их листовку. В самом деле — кому могло взбрести в голову приблизиться к стене и читать постылые объявления? Кто мог тешить себя дешевой ложью о «хорошей работе» в «прекрасной Германии»?

Костя и вовсе пал духом. Он-то кинулся со своей листовкой, как в огонь. И все впустую? Никто не прочтет ее? Вымокнет под дождями, выгорит под солнцем?

Выручил Леня. Он подошел к трем старикам, которые отодвинулись чуть в сторону, чтобы перекурить, а заодно и отдохнуть от женских слез и причитаний, и спросил, показывая на стену, где была прилеплена листовка:

— Дядь, а верно пишут, будто немцев под Москвой разбили? — И простодушно уставился на дедулю, что был постарше других.

— Шо? — произнес дед и чуть не выронил сигарку.

— Да я вон там прочитал, — с той же наивностью сказал Леня и вновь ткнул пальцем в объявление.

Старики переглянулись, покашливали и двинулись к стене. А еще через некоторое время возле Костиной листовки толпился народ. Все подходили, читали, и уже надежда загорелась в глазах людей, вытесняя тревогу и отчаяние.

Весть о листовке на немецком объявлении мгновенно обошла толпу. Даже старуха в черном платке перестала кричать: «Доченька...» — и тоже захотела прочитать все своими глазами. Но Кравчуки и Сашко этого не видели: им нельзя было задерживаться возле биржи.

Листовку Лени они приклеили у театрального подъезда, на стекле перед дощечкой, запрещающей вход украинцам. Возле театра днем было пусто, не как на бирже. Листовку администрация обнаружила к вечеру. Была вызвана охрана, явились и гестаповцы. Узнав о случившемся, «почтенная публика» начала сдавать билеты в кассу: «Театр под контролем партизан». Директор хватался за голову, лично уговаривал:

— Проходите, господа! Все в порядке. Ваша безопасность гарантирована. Прошу!..

Но зал так и остался пустым.

Последнюю листовку Сашко опустил в почтовый ящик полиция, к которому ездил на обеды фельдфебель. В тот же день перепуганный полицией обнес забор колючей проволокой. Однако душевного покоя не обрел. Запил. Свалился в белой горячке.

НА КЛАДБИЩЕ МАШИН

Те, кому не случалось запускать подожженную рулевую баранку от автомобиля, конечно, даже не подозревают, что это за удовольствие. Подцепишь такое огненное колесо крюком из проволоки, подтолкнешь, и покатилося оно, пугая всех огнем и чадом. Вот уж где «чертово колесо», а вовсе не те, на которых катаются в парках.

Ну а речь об этом зашла не просто так. У Кравчуков баранок было предостаточно: неподалеку открылся авторемонтный завод. Он был обнесен забором, но всякую рухлядь от машин, в том числе и старые рулевые колеса, немцы выбрасывали за забор. Таких колес в одном месте образовалась целая куча. Подольские пацаны брали их, гоняли по улицам, а потом кто-то придумал поджигать. Баранки горели долго, пока не оставался лишь металлический каркас. Забава пришлась по вкусу всем пацанам.

Запускали огненные колеса и Кравчуки. А еще им нравилось забраться на холм, что был рядом с заводом, и смотреть, как немцы привозили на ремонт разбитые автомашины. Техника была местами покорежена и кое-где обгоревшая, со следами от пуль и осколков. Братья хорошо помнили слова из листовки: «Гитлеровские войска несут большие потери на всех фронтах». И вот, пожалуйста, подтверждение. Да еще какое! Разве не удовольствие видеть это собственными глазами!

Однажды они сидели на холме, разглядывали только что доставленную технику.

— Смотри, — Леня показал на грузовик, — как вцепили. От мотора одни ошметки.

— Ага! — радостно согласился брат. — Небось, кто в кабине сидел, всех наповал. А рядом, видишь, стоит весь в дырочках. Решето, не машина.

— Пулемет прошелся. Хорошо чесанул.

— Еще бы! — Костя даже вскочил с места. — А вон по той легковушке сверху врезали. С самолета шарах очередью — и готово.

— А может, партизаны с дерева. Да садись ты. — Леня дернул его за руку.

— Может, — младший Кравчук опустил, — из засады: та-та-та-та...

Подобные разговоры возникали у братьев всякий раз, стоило им лишь залезть на холм. Это их веселило. домой они возвращались в приподнятом настроении.

Но сейчас, наблюдая, как в цех закатывали очередную машину, Леня вдруг сказал посерьезневшим голосом:

— Все равно из пяти машин они одну собирают.

— А может, из семи? Или восьми?

— Ну и что? Все равно собирают. И машина уходит на фронт.

— Уходит, — вздохнул Костя.

— А мы смотрим. Баранки гоняем. Хорошо горят. — Старший Кравчук досадливо сплюнул.

Костя задумался: «Он прав. Пока мы тут битыми машинами любимся, немцы их ремонтируют. И машины вновь везут бомбы, патроны, солдат. А мы старые рули поджигаем и рады: вот как горят!.. А что, если... — Костя даже вздрогнул от внезапно пришедшей мысли, — поджечь сразу все баранки. Вот огня-то будет. Загорится и забор. Рядом стоит цистерна с бензином, затем пойдут гаражи, мастерские, цеха...»

— Леня... — Он вцепился в руку брата.

— Ты что?

— Слушай, а если... — Он придвинулся и горячо

зашептал, хотя услышать их никто не мог, возле не было ни души.

Леня ничего не сказал. Он посмотрел на брата долгим, внимательным взглядом, словно пытался увидеть в нем то, чего раньше не видел. Круглое лицо, чуть оттопыренные уши — ничего особенного. Глаза... В них, верно, что-то появилось. Это не то упрямство, из-за которого он порой даже злился на младшего брата. Что?.. Определить Леня не мог. Дерзость?.. Решимость?.. Или это и есть та отвага, о которой он раньше читал в книжках?

Потом он посмотрел в сторону, туда, где было кладбище машин. Сваленные в кучу, покореженные, без колес, разрезанные, раздавленные, пробитые — на миг они представились Лене гигантским чудовищем, но уже поверженным и подохшим. Таким вот мог бы стать и весь завод.

— Ну что? — спросил в упор младший Кравчук, и голос его требовал: отвечай сразу, не тяни.

— Идем, — произнес Леня.

В гряде рулевых колес братья выбрали две большие баранки. Зажигать их на месте было нельзя: они разгорались не сразу, к тому же в любое мгновение могли появиться немцы — неподалеку в заборе была калитка.

Подожженные баранки Кравчуки запустили с холма. Оба колеса покатались, наращивая скорость. Их огненные гривы подхватил ветер, а искры так и сыпались во все стороны. Но вот этот дьявольский бег прервался — баранки врезались в ту самую грудку, откуда их только что взяли.

Братья лежали на холме до тех пор, пока не запылала вся грудка. Теперь уже оставаться было опасно. Пламя перекинулось на забор, с территории завода слышались резкие, тревожные крики:

— Ахтунг!.. Ахтунг! *

* Внимание!.. Внимание!

А затем огонь, выстрелы, топот сапог — все слилось, нагромоздилось в Костиной памяти одно на другое.

Самым страшным был этот настигающий топот. Ну конечно, их стараются поймать живьем. Так и есть, даже стрелять перестали. Сапоги, казалось, гремят где-то рядом, почти за спиной.

Мальчишки неслись по самому краю кладбища машин. Уже не было мочи бежать, сердце выпрыгивало из груди. Костя задыхался. Он хватал ртом воздух, но как бы впустую. Легкие не наполнялись.

Всем своим существом он чувствовал, понимал, знал: еще шаг, и он упадет, и сапоги раздавят его, как яичную скорлупу. Но почему-то продолжал бежать и не падал. И чудилось, не он это бежит, а кто-то другой. Только сердце разрывается его, Костино, и в висках колотят словно молотом: бум, бум, бум... И еще он видел спину брата. Спасительную спину. Пока он видит ее, он не схвачен, он жив.

Спина вдруг вильнула куда-то вправо за перевернутый грузовик. Конец!.. Он ринулся туда же и сразу уловил взглядом еще несколько грузовиков.

А где Ленья?..

— Сюда! — Кто-то рванул снизу за ногу.

Костя упал.

— Сюда же! — Ленья тащил его под какой-то приземистый легковой автомобиль.

Скособоченная развалюха была без двух левых колес. Она стояла, немного накренившись на одну сторону, а с других сторон была почти забаррикадирована. Под эту машину в темноту и затаскивал Ленья брата.

Младший попытался сказать:

— Нас тут... — Выговорить не смог: не хватило дыхания.

— Молчи, — Ленья зажал ему рот.

Сапоги прогрохотали рядом.

И тут же все покрыл другой звук. Что-то ухнуло,

зашипело, и почти сразу целая туча копоты затмила солнце.

«Бензин», — догадался Костя, но ничего сказать не мог: брат по-прежнему зажимал ему рот и шептал: — Молчи... молчи...

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Шли дни, недели, месяцы. Минуло третье военное лето.

После Сталинградской битвы, после боев на Курской дуге серо-зеленые фашистские полчища повсюду покатились назад. Дух гитлеровских солдат был сломен. Не могли помочь ни новые танки — «тигры», «пантеры», «фердинанды», ни свежие дивизии, перебросенные с запада, ни болтовня Геббельса о секретном оружии, которое вот-вот будет введено в действие.

Красная Армия к этому времени уже была не той, что в начале войны. Появился боевой опыт, солдаты закалились в сражениях, тыл поставлял фронту мощную технику. В августе сорок третьего в Москве прогремели первые салюты в честь побед Красной Армии.

Советские войска начали продвигаться к Днепру.

Немецкое командование спешно создавало на правом берегу Днепра оборонительные рубежи. Гитлер требовал держать Днепр до последнего солдата, а всю Левобережную Украину было приказано превратить в выжженную пустыню.

* * *

Киевляне уже не спрашивали, вернется ли Красная Армия: чаще и чаще показывались в небе краснозвездные самолеты, сея страх и смятение среди гитлеровцев.

И вот опять послышался гул отдаленной канонады. Но теперь он доносился с востока.

— Наши идут! Наши! — передавали друг другу жители оккупированного города.

Костя и Леня тоже прислушивались к этим далеким раскатам.

— Мам, — говорили они, — теперь скоро.

— Скоро. — Мария Фоминична обнимала их, улыбаясь, но улыбка ее была короткой, она быстро слетала, а на лице опять появлялось тревожное ожидание.

— Ты что, мам? — спрашивали сыновья.

— Ничего. — Она сильнее прижимала их к себе. — Обошлось бы. Раненый зверь опасен. А это же звери, звери... От них всего можно ждать.

Мария Фоминична особенно беспокоилась за Леню — ему шел уже пятнадцатый год. В городе то и дело проводились облавы: всех от четырнадцати лет впахивали в вагоны, увозили в Германию. На Подоле только и слышно было — кого-то взяли, кого-то схватили, кого-то забрали... И вот однажды, стоя возле окошка, она увидела, как, пинком распахнув калитку, во двор вошли двое полицейских. В глазах у Марии Фоминичны потемнело.

— Леня, — не оборачиваясь и следя за полицейскими, сказала она, — скорее в подпол.

Но полицейши не стали заходить в дом. Они постучали в окно, махнули рукой: выходи, мол. Сразу же постучали и в ту часть дома, где жила Степанида. Тоже велели выходить.

«Что ж им нужно? — накидывая на ходу ватник, думала Мария Фоминична. — Просто так не пожалуют. Добра не жди».

Она подошла к полицейшам, но те молча покуривали сигареты, на Марию Фоминичну взглянули равнодушно, словно и не звали ее.

Один из них, еще совсем молоденький (это был Рыло), даже отвернулся. Докурив сигарету, он бросил окуроч под ноги, смачно сплюнул. Он хотел было вдавить окуроч в землю, но решил, что проявлять такую старательность ни к чему, много чести. Хмуро уставился на забор, словно узрел там что-то интересное.

Всем своим видом Рыло старался подчеркнуть, насколько велика пропасть между ним, представителем власти, и этой женщиной в стареньком ватнике.

На крыльцо вышла Степанида.

— Что копаешься? — буркнул полицей постарше.

Рыло тоже повернулся к ней, вдруг окрысился:

— Сколько тебя ждать? Шевелись, кому говорят.

Степанида тяжело взглянула на него, промолчала.

— Значит, так, — сказал полицей постарше, — выселитесь. Забирайте что можете и тикайте отсюда. Дается вам один час.

— Как? — вырвалось у Марии Фоминичны.

— А так! — закричал Рыло. — Чтоб вашего духу здесь не было!

— Да куда ж я с малым дитем? — горестно сморщилась Степанида.

— А куда хошь. — Полицей постарше взглянул на калитку. Дело, мол, сделано. Чего торчать на месте? Слушать, как бабы заголосят? Везде одно и то же. Ему еще другие дворы обходить. — Куда хошь, — повторил он, — а с Подола уматывай. Немцы — народ точный, проверят. Не управитесь — на себя пеняйте: помогать придется.

— Помогать? — переспросила Степанида. Она никак не могла взять в толк: куда ж ей податься и как быть с вещами: может, верно, помогут.

— Ага, — хохотнул Рыло, — по спине прикладом. Полицай ушли.

Между тем во дворах стали раздаваться крики и плач, поднялась суматоха, люди метались, не зная, за что взяты, не представляя, на какое время покинут свой дом. И куда идти с детишками, стариками? А может, всех собираются гнать к Бабьему Яру?

Мария Фоминична и Степанида пробовали что-либо расспросить у соседей, но никто ничего путного сказать не мог. Правда, через короткое время от двора ко двору полетели слухи: выселяется весь Подол, потому что

береговая зона объявлена запретной. Немцы хотят здесь держать оборону. Будут рыть окопы и блиндажи, установят пушки и пулеметы. Кто-то уже видел колышки со щитами: «Запретная зона. За нарушение — расстрел».

— Господи! — причитала Степанида. — Светка, лучше пусть тут убивают на месте. — Она суетилась, хваталась то за одно, то за другое, все валилось у нее из рук. — Ну куда мы пойдем, подышать под чужим забором?

Светка испуганно смотрела на бабу, прижимала к себе замызганного плюшевого медвежонка.

— Брось куклу, — сердилась Степанида. — Собирай свои вещи. Чего стоишь?

— Какие? — Никаких вещей у Светки не было. Она еще крепче вцепилась в медвежонка.

Степанида не ответила. Она вспомнила про свою давнюю приятельницу, которая жила неподалеку от Бессарабского рынка. «Пойдем к ней, коли примет, — решила старуха, — а больше некуда...»

Мария Фоминична побежала к хлеву. Самым ценным у Кравчуков была Зорька. Она была их кормилицей. Без нее оставалось бы одно — идти по миру. Увидев Марию Фоминичну, корова двинулась навстречу: не принесла ли хозяйка ведро с пойлом.

— Зоренька, пошли, моя славная. Во дворе тебя накормим.

Косте Мария Фоминична сказала, чтобы дал Зорьке побольше сена да принес ведро воды. И еще велела поплотнее набить сеном большой мешок: куда бы ни шли, все одно понадобится. Леню позвала в дом:

— Идем скорее. Поможешь собираться.

Самое необходимое из одежды связали в два узла. Кружки, ложки, миски запихнули в сумку, а в ведро сложили все, что наскребли из продуктов: немного картошки, спичечный коробок соли, два стакана муки да полбутылки постного масла.

Прощаясь, мать обняла Степаниду:

— Дай-то вам бог...

Бабка плакала:

— Не поминай лихом... Свидимся ли...

— Ждать недолго осталось. Наши-то идут.

— Дожить бы.

— Как-нибудь. Прощай.

Мешок с сеном и узел Мария Фоминична связала вместе, перекинула Зорьке на спину. Похлопывая корову по крутому боку, приговаривала:

— Зоренька, умница наша, потерпи.

Второй узел она взвалила себе на плечи. Но Леня подскочил, начал отбирать:

— Мам, ты что? Я сам понесу. Не маленький.

— То-то я и гляжу, не маленький. Да еще с узлом таким. Не забрали б тебя по дороге.

— Отдай, мам. Я пригнусь, поменьше буду.

Отобрал все же узел. Мария Фоминична вернулась в дом, взяла там одеяло, закатала в него две подушки — тоже пригодятся, выбросить-то всегда можно. Подумала, что не мешало бы еще кой-чего прихватить. Чайник, например. Но махнула рукой: все не унесешь. Заперла дверь, сказала сыновьям:

— Сядем перед дорогой.

С полминуты посидели.

— Пошли, — поднялась первой Мария Фоминична.

Они поселились на территории полуразрушенного кирпичного завода. Жить стали в пустой печи, где раньше обжигался кирпич.

— Ничего, сыночки, — говорила Мария Фоминична, — как-нибудь перебьемся.

— Конечно, перебьемся, — в один голос отвечали братья, — ты не волнуйся, мама. Слышишь?

Все замирали, вслушивались в гул далекой канонады. И кто-то из них обязательно говорил:

— Наши.

ПОД КОНВОЕМ

А жилось трудно. Голодали. Мерзли.

В соседних печах (было их около пятидесяти) тоже разместились люди. Все помогали друг другу, делились кто чем мог.

Многие, спешно выселенные из своих домов, не успели с собой почти ничего захватить. Поэтому подольские мальчишки часто нарушали приказ оккупационных властей и пробирались в запретную зону задворками или по крышам, чтобы хоть что-то вынести из покинутых домов.

Делал такие вылазки и Костя. То чайник принес и забытый кусочек мыла, то отправлялся с мешком и набивал его сеном (Зорьку возле завода пасти было негде, уходить дальше нельзя — лишний раз не привлечь бы внимание немцев или полицаев).

А тут вдруг выяснилось — забыли дома иголку с нитками. Вроде пустяк, но одежда у всех была старая, ветхая, то и дело приходилось что-нибудь зашивать да латать. И у тех, кто жил рядом, тоже, как назло, иголки не оказались.

— Я схожу, — предложил Костя.

Мария Фоминична покачала головой:

— Нет. Никуда не пущу. Схватят — пропадешь ни за что.

— Не схватят. Я все ходы-выходы знаю, — горячился Костя. — Знаю, где у них патрули. Проскочу, ты не бойся. Как же мы без иголки...

— Обойдемся. Может, у кого отыщется.

— Как же! Всех расспросили.

— Бог с ней.

— Мам, смотри, твое ж пальто по шву лопнуло.

— Переживу.

— У меня вон рукав почти оторвался...

— Костя, — вздыхала Мария Фоминична, — в последний раз идешь. Не задерживайся, приходи скорее.

— Я мигом. Одна нога здесь, другая там, — встрепенулся Костя. — И мешок дай, немного сена положу. Зорька-то голодная.

Мария Фоминична каждый раз противилась. «Все, — говорила она себе, — больше не пущу. С голоду будем пухнуть, а не пущу». Но рядом шумно вздыхала Зорька. Ее-то чем кормить? Где взять сена?..

Сунув мешок под мышку, Костя убежал.

Теперь, только он появлялся в своем дворе, их дом, маленький, чуть покосившийся, с отставшей краской на наличниках, казался ему прекрасным и ладным как никогда. Правда, было в нем что-то пугающее, как и во всех соседних домах, пустых и безжизненных.

Костя отомкнул замок. Чуть приподняв, раскрыл дверь, знал: не приподнимешь, так она скрипнет. В комнатах было неуютно и холодно. Повсюду следы спешки — что-то было брошено, сдвинуто, перевернуто. Костя отродясь не помнил такого беспорядка.

Машинально он поставил упавшую табуретку, к подоконнику придвинул поровнее стол, поправил сбившийся половик. Хотел было даже сбежать за водой, чтобы полить поникшую герань. Жалко все же: еще не совсем увяла, была в ней какая-то жизнь. Мама так любила эту герань! И тут же Костя вспомнил, ведь просила она: не задерживайся, приходи скорее.

Он выдвинул ящик комода. Среди старых лоскутков, лент, клубков быстро разыскал круглую жестяную коробку с пуговицами, иголками и нитками. Вначале решил забрать всю коробку. Потом передумал: взял несколько иголок и две катушки — черную и белую. Иголки, чтобы не растерять, воткнул в отворот пальто. До войны это пальто носил Леня, а теперь оно и на Косте было коротким. Костя взглянул на себя в зеркало. Раньше бы рассмеялся, увидев такого пацана: подстрижен по-чуждому (мама старалась, как могла), на лице бурый налет — пыль от кирпича, одет в широченные мятые брюки (выменяли у кого-то) и ку-

щее пальтишко, руки так и лезут из рукавов. Но сейчас не смешно: все одеты кто во что смог.

Снова закрыв замок, он набрал сена и с мешком вышел на улицу. Этого не стоило бы делать: на пустой улице человека заметно издалека. Но путь назад был бы намного короче, если пересечь улицу именно здесь, напротив дома. Он перебежал ее, потом прокрался дворами, потом опять была улица, и Костя снова подумал: перебегу. И лучше, если затем свернуть наискосок в проулок — там, в конце его, войти во двор, перелезть через ограду, и кончится запретная зона.

Так он и сделал. Выбрался. Позади осталась ненавистная мертвая зона. А тут люди. Вот они идут. Пусть они понурые, пусть зябко ежатся в поношенных пальто и телогрейках, пусть лица их безрадостны. Но это же люди! Люди...

Он смело зашагал по улице, свернул за угол и замер. Прямо на него катили на велосипедах немцы. Они ехали чуть пригнувшись, деловито и бесшумно.

В отдалении Костя увидел и других немцев. Те были пешие, с собаками на поводках. «Облава!.. — мелькнуло в голове у Кости. — Велосипедисты отрезают путь, а хватают те, с собаками... Бежать!..»

Костя опустил мешок, а сам стал пятиться к забору, там была калитка, можно войти и скрыться.

— Хальт! * — Один из велосипедистов двинулся прямо на него.

Он приостановился возле Кости, но не слез с велосипеда, а лишь показал рукой в глубь улицы и произнес:

— Ком!

Костя побрел туда, где лаяли собаки на поводках. Он почти не слышал их, потому что в мозгу билось, заглушая все, одно слово: «Попался, попался...» Он шел и кусал себе губы. По-глупому как попался. Нет бы сперва заглянуть за угол, а он потопал напролом. Теперь расплачивайся.

* Стой!

Всех взятых на улице немцы построили, куда-то погнали. Привели на школьный двор. Опять выстроили, но на этот раз в две длинные шеренги. Стали отсчитывать каждого третьего. Рядом с Костей стоял трясущийся старик. Он оказался третьим, его взяли. Всего отобрали двадцать пять человек, поставили возле глухой стены. Никто не понимал — зачем.

— Чего они их? — спросил мальчишка в картузе со сломанным козырьком. Он очутился рядом с Костей после того, как взяли старика.

Костя пожал плечами:

— Небось обыскивать будут. — И проверил свои карманы: нет ли там чего такого, что могут отобрать. Нащупал две катушки. Вряд ли их заберут. Хорошо, нож перочинный не взял. А то, может, приглянулся бы. Ножик-то хороший: два лезвия, шило и штопор.

Прокаживалось по двору и несколько полицаев. Из шеренги кто-то спросил одного: за что схватили? Полицай лишь зло зыркнул, промолчал. Среди построенных поднялся легкий гул: каждый высказывал свои предположения. Но вот вышел обер-лейтенант с переводчиком. Гул в толпе улегся.

Переводчик выслушал офицера, затем начал четко говорить:

— Прошлой ночью было убито несколько солдат германской армии. В связи с этим мы расстреляем двадцать пять человек. — Он показал на стоящих у стены. — Но если вы назовете виновных, заложники будут помилованы. На размышление пять минут.

Трясущийся старик начал у стены икать. Рваные звуки словно отсчитывали время.

Солдаты вскинули винтовки.

— Палачи! — крикнула женщина. Она сделала шаг от стены. — Наши вам отомстят. Изуверы...

Грянул залп...

Костю шатало. В глазах все плыло, представлялось неясным, как в тяжелом, дурном сне. Он сунул руки в

карманы. Наткнулся на катушки. Подумал: «А мама ждет... И Зорьке не принес сена... Но я ж не виноват. Честное слово... Они всех хватали...»

Опять раздались выстрелы: два серо-зеленых доби-вали из пистолетов тех, кто был ранен.

Потом Костя снова шел в колонне по улицам под лай остервенелых собак. Пригнали к железнодорожной станции. Там уже было много народу. Сидели на рельсах, на шпалах.

Когда подошел поезд, конвой бросился поднимать людей прикладами и вталкивать в товарные вагоны. Состав был длинный. Вагоны в середине быстро оказа-лись наполненными. Уже некуда было вминать. Боль-шую группу, где был Костя, повели к хвосту поезда.

Костя шагал среди подростков, озирался по сторо-нам. Сейчас с грохотом откатят дверь, впихнут — и прощайте, мама, Леня, прощай, Киев... Что-то нужно делать. Сейчас. Вот прямо сразу.

Он сказал:

— Хлопцы, тикаем, а?

— Куда?

— Вон как поравняемся с будкой — в разные сто-роны.

Возле будки стрелочника пацаны кинулись врас-сыпную. Ударили вслед выстрелы. Кто-то свалился, сраженный насмерть, кто-то был ранен. Косте и еще нескольким ребятам удалось скрыться.

Ночью он вернулся на кирпичный завод.

— Сынок! — припала к нему Мария Фоминич-на. — Живой!

У БАБУШКИ ЛИЗЫ

Войска 1-го Украинского фронта приближались к Киеву. Наступление велось с северной стороны (Днепр форсировали возле села Лютежа). Командующий фрон-том Н. Ф. Ватутин распорядился, чтобы во все воин-

ские части был передан приказ Москвы: «Освободить столицу Украины к 7 ноября».

Операция началась утром 3 ноября. Вражеские укрепления были снесены артиллерийским огнем. В прорыв устремились танки и пехота. Летчики нанесли удары по скоплениям врага и по его позициям в пригородах Горянка, Пуща-Водица, Приорка.

Противник предпринимал отчаянные контратаки, но остановить наступление уже был не в силах.

Покидая город, озлобленные гитлеровцы опустошали целые кварталы, убивали мирных жителей.

* * *

Над городом висела мгла: смешались пыль, дым и копоть. Стоял смрад: в Бабьем Яру до последних дней жгли трупы расстрелянных.

Взрывы раздавались совсем рядом с кирпичным заводом. Оставаться там уже было опасно. Поселившиеся в печах стали покидать свои убежища.

— Нужно и нам уходить, — сказала Мария Фоминична.

Оба сына смотрели на нее вопросительно.

— Поживем у бабы Лизы. Идти больше некуда. А здесь прибьют.

Чтобы было неприметнее, решили разбиться: Костя и Леня пойдут поодиночке, а Мария Фоминична погонит Зорьку.

Как идти в Ирпень к бабушке Лизе, братья хорошо знали. Приходили к ней в дачный поселок не раз: приносили что-нибудь из вещей, чтоб она помогла обменять это на продукты. В самом Киеве за вещи уже ничего нельзя было получить. На базаре всех интересовало одно — еда.

Бабушка хоть и пожилая была, но сохранила расторопность, быстроту в движениях. Внуков любила. Когда они появлялись в ее доме, старалась и подкормить, и воды нагревала, чтоб помылись, и за короткий

срок ухитрялась им белье да рубашки выстирать и выгладить. Она всегда встречала внуков словами: «Голуби вы мои!» Когда мальчишки подросли, даже стали стесняться, смущенно поглядывали на деда Фому Петровича. «Какие ж мы голуби», — возражал Леня и старался придать голосу оттенок поглуше, побасовитее. Дед поддерживал: «Верно. Ты что ж, мать, таких орлов голубями обзываешь?» — «А для меня они как были голуби, так на всю жизнь и останутся», — отвечала бабушка.

Фома Петрович тоже радовался приходу внуков, но был по натуре сдержан, говорил мало, больше расспрашивал сам. В округе его уважали, он был фельдшер, чуть что случалось, бежали к нему. Фома Петрович никогда не отказывал, шел к заболевшему хоть в дождь, хоть ночью.

Не знали ни бабушка, ни внуки, что помогал он и раненым партизанам. Многим он спас жизнь. Бабушка, может, и догадывалась кой о чем, но никогда не спрашивала.

В Ирпень братья пришли ночью. Старались пробираться лесом, чтобы не встретиться на дорогах с патрулями. Перед поселком была река, тоже называлась Ирпень. Идти по мосту ребята не решились: кругом контрольные пункты — не попасть бы в лапы к немцам в самый последний момент.

— Что будем делать? — поежился Костя.

— Что, что — плыть, конечно.

— Вода сейчас, знаешь, какая холодная!

Леня подумал, что вот, мол, поторопился он со своим предложением, можно было бы и переждать до рассвета, посмотреть, охраняется ли мост, но при брате менять свои решения не любил, поэтому сказал:

— Ничего, у бабы Лизы отогреемся.

Неширокая река Ирпень, но пока доплыли до берега, совсем окоченели. Вылезли — зуб на зуб не попадал.

К дому бабушки пустились бегом. Перелезли через забор (калитка была заперта), постучались в окно.

— Сейчас, сейчас, — услышали они голос бабы Лизы, — дед, к тебе пришли.

— Скажи — выхожу, — ответил Фома Петрович.

Братья переглянулись: они-то думали, не добудятся стариков, а те будто ждали.

Щелкнула задвижка. Вышел дед.

— Идемте, — сказал, — я собрался.

— Дедушка...

Фома Петрович какое-то время всматривался в темноту.

— Леня... Костя... вы, что ли?

— Мы.

— Что случилось?.. Мать-то где? Да заходите в дом.

— Голуби мои! — подросла бабушка, принялась обнимать. — Что вы мокрые-то? Дождя вроде нет.

Леня начал было рассказывать, как переплывали реку; дед не дослушал, приказал:

— А ну раздевайтесь. Лиза, ставь воду. Выпить им нужно горячего с малиной.

Пока бабушка разжигала печку, Фома Петрович растер внуков, дал переодеться в сухое. Только сели за стол, опять кто-то постучал в окно, и точно так же, оглянувшись на деда, баба Лиза проговорила:

— К тебе пришли.

Фома Петрович ушел и вернулся лишь утром, когда внуки спали на печи.

— Леню-то жаль будить, — сказал дед, — а придется. Нельзя ему показываться. Парень вон какой вымахал. Заберут.

— Куда ж ему, — огорчилась баба Лиза, — в лес, что ли?

— На чердаке будем прятать.

— Пусть хоть поспит немного. Хлопцы намаялись. Я постою пока у калитки, посмотрю.

— Иди. Позову тебя через час. Больше нельзя.

День прошел благополучно. Даже самолеты пролетали где-то в стороне. Зато грохот сражений приблизился. Эти дальние взрывы и выстрелы радовали.

— Идут! — говорил дед и весело подмигивал Косте.

— Идут! — улыбался внук.

Несколько раз Костя лазил на чердак проводить Леню. Тот сидел возле маленького окошка в дедовом тулупе, наблюдал.

— Не замерз? — спрашивал Костя, а затем кивал в ту сторону, откуда доносился грохот. — Слышишь?

— Ага. Пушечку бы мне сорокапятимиллиметровку. Я бы прямой наводкой по казармам. Отсюда казармы видно. А там дальше у рощи артиллерия стоит. Вон, смотри.

Костя заглядывал в окошечко и тоже видел немецкие казармы, блиндажи, пушки.

— Точно, — говорил он, — как на ладони. Вот бы спархннуть. — И целился в казарму черенком от лопаты.

— Огоны! — командовал Леня.

— Кхх! — Черенок в руках Кости вздрагивал, словно от выстрела.

Братья тихо смеялись.

К концу дня Костя забеспокоился:

— Что-то мамы долго нет.

— А чего ей днем идти, — отвечал старший, — сам понимаешь. Вот ночь наступит, тогда...

— Конечно, — соглашался Костя. Но беспокойство нарастало, хотя он и старался не показывать этого.

Мария Фоминична, верно, появилась, как только стемнело. С ней была и Зорька.

Весь день они прятались в лесу. Когда подошли к реке, корова напилась, а дальше ни шагу. Как быть? Мария Фоминична поплыла одна. Обернулась — корова стоит.

— Зорька!.. Зоренька, плыви, милая, — чуть не плакала Мария Фоминична.

Неужели в лес возвращаться? Там ни огня не разведешь, не обсушишься. Замерзнешь. А без коровы-то куда? Зорька будто все поняла. Вошла в воду, поплыла следом.

Так и добрались.

Марию Фоминичну тоже растерли, напоили чаем с малиной, уложили на печке.

Беспокойной была эта ночь.

Опять приходили за Фомой Петровичем. Только он ушел, снова тихий стук в окно.

— Посмотри, кто, — попросила Костю бабушка Лиза.

Он вышел за дверь и обомлел: перед ним стояли два красноармейца в накидках. В руках автоматы с дисками.

— Здорово, хлопчик, — произнес один, окая, и Костя почувствовал, как от этих обычных слов покачнулась под ним земля.

Он кинулся к солдату, ткнулся лицом в его накидку. Сильные руки приподняли мальчика:

— Ну, будет тебе... Успокойся... Немцев у вас нет?

— Нету. У них там вон возле рощи казармы. И пушки стоят.

Костю опустили на землю.

— Вот что, — сказал солдат, — времени у нас в обрез, а делов по горло. Давай-ка зайдем в дом, на карте пометим. Ты, Седых, — обратился он к товарищу, — постой здесь. Ежели что, прикроешь.

Подумав, Костя потащил разведчика на чердак: может, еще Леня что подскажет, да хотелось и порадовать брата — пусть своими глазами увидит красноармейца.

На чердаке разведчик достал карту-километровку и, посветив фонариком, объяснил ребятам, где их дом, река, роща.

— Вот здесь казармы. — Леня показал место на карте. — Как раз река поворот делает, небольшой таковой — вот он. Рядом с этой стороны пушки. Немцы их ветками маскируют. А зенитки прямо в роще стоят, с самого края.

Закончив делать отметки на карте, разведчик сказал:

— Значит, так, хлопчики, полный порядок. Спасибо. Только уходите отсюда. Утром здесь будет бой. Ну, бывайте! — Он пожал им как взрослым руки.

Разведчики ушли в темноту.

Когда вернулся дед, обсудив все, решили никуда не уходить. А начнется бой, спрятаться в яму.

Срочно вырыли яму и для Зорьки. С одной стороны край сделали покатым, чтобы корова смогла зайти. Зорька упиралась, не шла. Все же заманили ее остатками сена. Покатый край тут же засыпали, сверху яму заложили хворостом, лишь в одном месте оставили маленький просвет.

А на рассвете началось. С оглушительным ревом на бреющем полете пронеслись над казармами штурмовики Илы. Они сбрасывали бомбы, били из пулеметов и пушек. Казармы разнесло в пыль, от зенитной батареи осталась груда металла.

Леня и Костя лежали в яме рядом с мамой.

Всякий раз при нарастающем реве моторов они вжимали голову и чувствовали, как тела их начинали трястись. От страха ли, от того ли, что все кругом дрожало — земля и воздух. А затем летели бомбы. Казалось, каждая бомба рвалась где-то совсем рядом, над головой. Сыпался песок, он набивался в уши, глаза, рот.

Костя отплевывался, размазывал слезы, которые выступали непроизвольно, сами по себе, хочешь не хочешь, и лишь одна мысль вспыхивала в его оглушенном и опрокинутом сознании: «Живы!»

Леня тоже выплевывал песок, тоже тер глаза, при разрывах лязгал зубами, а сам вскрикивал:

— Так их!.. Так их!..

Потом стало до того тихо, что Костя подумал: «Умер». Не могло быть такой тишины в мире. Никто не шевелился — ни Леня, ни мама, ни сам Костя. Он не мог даже двинуть пальцем, не мог раскрыть глаза. Умер. Поэтому так темно и тихо.

И вдруг замычала Зорька.

— Зорька!..

— Мама... — крикнул Костя. — Я жив!

Разом приподнялись Леня и мама. Они сидели молча, стряхивали с головы песок.

Мария Фоминична обхватила руками сыновей и тоже произнесла:

— Живы.

Потом она попросила Костю, чтобы сходил к той яме, где скрывались баба Лиза и дед.

Старики оказались невредимыми.

— Ты из ямы-то больше не вылезай, — сказал дед. — Терпеть всего ничего осталось.

Через час послышалась автоматная стрельба, ухнуло несколько гранат. После бомбежки их разрывы казались легкими, какими-то игрушечными.

— Ура-а-а! — прокатилось неподалеку.

Затрещали жалкие одиночные выстрелы, и все смолкло.

— Ура-а-а! — кричали уже совсем рядом.

Костя и Леня как по команде вскочили, рванулись из ямы.

— Куда? — попыталась схватить их Мария Фоминична, но удержать сыновей было невозможно.

Не помня себя, как в горячке, пробежали они через лужайку, через кусты и остановились. Прямо возле ручья стоял танк тридцатьчетверка. Танкисты пили из фляжек воду, а один сбросил с себя гимнастерку, стоял по пояс голый и просил:

— Вась, а Вась, полей на спину.

Но тот, к кому он обращался, начал умываться, громко фыркая, и сказал:

— Пусть вон пацаны польют. Все равно им делать нечего.

Братья наперегонки бросились к танкисту. Фляжка досталась Лене. Младший Кравчук стоял рядом, смотрел, как брат льет воду на танкиста, и кусал губы с досады.

— Держи-ка. И мне польешь, — протянул Косте фляжку другой танкист и тоже скинул гимнастерку.

Потом уже, когда танкисты оделись, Костя спросил:

— Дядь, а вы насовсем пришли?

— Насовсем, сынок.

Он скрылся в танке, вылез с консервной банкой в руках.

— Берите. Это вам гостинец.

— Спасибо. — Леня взял банку, стал ее разглядывать. Что там было написано, разобрать не смог. Спросил: — Немецкая?

— Не, — сказал танкист, — американская тушенка.

— Дядь... — Косте все никак не верилось, что настала прежняя свободная жизнь. — Дядь, а немец не вернется?

— У него теперь одна дорога — на свой фатерлянд чешет. Ничего, и там достанем. — Танкист надел шлем.

СПАСЕННЫЕ ЗНАМЕНА

Вечером 5 ноября первые танки ворвались на окраину Киева. Уличные бои продолжались всю ночь. К утру над столицей Украины реяли красные флаги. В ходе боев за Киев советские войска разгромили пятна-

дцать гитлеровских дивизий. Более сорока одной тысячи вражеских солдат и офицеров было убито и взято в плен.

* * *

...До Киева Кравчуки добрались на следующий день к вечеру. Над городом все так же висел дым, и воздух был горький, чадный. Во многих местах еще не успели затушить пожары. На некоторых уцелевших домах висели красные флаги. Костя и Леня каждый раз подталкивали друг друга и говорили:

— Смотри.

Красные флаги волновали. И хоть не гремела музыка и не гуляли по улицам нарядно одетые люди, все равно было ощущение необыкновенного, праздничного дня. Костя чувствовал, как музыка звучала в нем самом, и понимал, что так сейчас с каждым.

А когда пришли на Подол, не узнали своей улицы. Домов не было. Все сгорело, лишь кое-где громоздились развалины да сиротливо торчали печные трубы. Кравчуки разыскивали место, на котором стоял их дом, молча смотрели на тлеющие головешки.

Возле ворот валялась на боку штабная машина. Носом в землю уткнулся автобус. Два его передних колеса были спущены, все стекла выбиты.

Налетали порывы ветра. Пепел лез в глаза и рот.

— Как же мы теперь? — промолвил Костя.

Брат не ответил, лишь пожал худыми плечами.

— Как-нибудь проживем, — вздохнула Мария Фоминична.

Утром Костя отправился к колодцу, где были спрятаны знамена.

Когда оставалось до него метров сто, не выдержал, припустил бегом. Теперь опасаться было нечего. Даже хотелось, чтобы кругом находились люди и видели, как он вынимает из тайника знамена.

По ржавым скобам Костя спустился в колодец, снял

с крюка сверток. Сердце заколотилось. Еле удержался, чтобы не развернуть тут, сразу же.

Развернул наверху. И опять красный цвет полыхнул среди серого осеннего дня, ударил по глазам. Вот так побежать бы со знаменами по улице, а они трепыхали бы огненно над тобой. И люди глядели и спрашивали бы: «Что за хлопец? Смотрите, у него настоящие боевые знамена...»

Нет, нет, зачем такая похвальба? Не для того он сохранил их.

Он снова завернул знамена, зашагал назад, стараясь держаться спокойно и ровно. И все же казалось ему, что прохожие с интересом поглядывают на сверток и, видимо, догадываются кое о чем.

— Костя! — всплеснула руками Мария Фоминична, когда сын развернул презент. — Где ты взял?

— Я их прятал.

— Давно?

— С сорок первого.

— И молчал, — упрекнула мать.

Костя подумал: хорошо, куда-то брат ушел, вот уж обиделся, так обиделся бы, а маме нужно все сейчас же рассказать.

Мария Фоминична слушала, не перебивая, лишь кивала головой.

— Понимаешь, я дал им слово — никому не говорить. Теперь они вернутся за знаменами. Ведь я правильно сделал?

Мать смотрела на него и думала, что он повзрослел гораздо раньше, а она заметила только теперь. «Ведь я правильно сделал?» — ей запали в голову эти слова. Нет, он не спрашивал, а утверждал.

— Правильно, правильно, — произнесла она поспешно, словно вдруг очнулась. — Так и нужно было.

Глаза у Кости заблестели.

— Не сердись?

— Конечно, нет. — Она хотела было погладить его

по голове, но сдержалась. Положила руку на плечо, сказала: — Какой же ты у меня!..

На первое время Кравчуки поселились в автобусе. Окна закрыли чем попало: листами кровельного железа с обвалившихся крыш, обгоревшей фанерой, какими-то тряпками. В автобусе было темно, зато не проникал ветер, и на ночь можно было сносно устроиться на сиденьях.

Затем из досок и битых кирпичей соорудили небольшую хибарку. По карточкам стали получать продукты. Жизнь понемножку налаживалась.

Но в Косте с каждым днем нарастало беспокойство: почему не приходят те два солдата? На стук у порога он бросался к двери: не они ли?

Прошло полгода, и Костя понял, что они никогда не вернуться, те два раненых знаменосца, уходившие из захваченного врагом города последними.

* * *

Приближалось Первое мая.

Киевляне старались поскорее расчистить улицы от завалов, оттащить прочь разбитую технику. Мусор с мостовых и тротуаров увозили на тачках и ручных тележках. Их не хватало. В ход пошли корыта, из них делали носилки. Работа кипела повсюду — орудовали топором, долбили киркой, штукатурили и красили.

Развалин было много. И конечно, люди понимали, что пройдут годы, прежде чем удастся отстроить Киев. Но уже все верили: будет город таким же прекрасным, как раньше, и опять перекинутся мосты через Днепр, и наполнится нарядной толпой Крещатик, и вновь зацветут каштаны.

Но пока к празднику можно сделать хотя бы немного — прибрать площади и улицы, посадить новые деревья вместо сожженных.

Костя хорошо помнил довоенные Первомайские праздники: по улицам шли радостные люди. Они несли

флаги, цветы, воздушные шарикИ, гремели трубы и били барабаны. Все улыбались, пели, приплясывали на ходу, покупали мороженое. В последний такой праздник мама взяла их с Леней на демонстрацию, и они шли в колонне и тоже пели: «...кипучая, могучая, никем не побеждаемая, страна моя, Москва моя, ты самая любимая». Не был Костя никогда в Москве, но пел и верил, что любит ее так же, как свой Киев.

Сейчас в разбитом городе не ожидал Костя на Первое мая таких теплых и разукрашенных людских рек, текущих по улицам к центру. Не зазвучат повсюду оркестры, и разноцветные шарикИ не будут рваться к небу из рук. И все же с острым и сладостным чувством ждал он этого дня. Даже рубашку, сшитую мамой к празднику (материал получили по промтоварным карточкам), примерял с легким замиранием.

И вот первомайский день наступил. Он был чистый и звонкий. Как ни старалась война все сжечь и разрушить, а все же ничего не смогла сделать с тем, что всегда бывает в мае: с голубого неба падали золотые лучи на зеленую траву, и ветер шевелил свежие листья на сохранившихся деревьях и кустах, и птицы пели как раньше.

В новой рубашке, со свертком в руках Костя торопился к дому, где разместились комендатура.

— Ты куда? — остановил его дежурный у входа.

— Мне к самому главному.

— К коменданту?.. Зачем?..

— Очень нужно.

— Он занят. Приходи завтра.

— Мне сейчас нужно. — Костя развернул сверток.

Так он и прошел уже с вынутыми знаменами в кабинет к подполковнику Ивашкину.

Пожилой бритоголовый подполковник — грудь в орденах — усадил его на стул, внимательно выслушал.

— Молодец, — пожал он руку Косте, когда тот закончил. — Солдатское тебе спасибо.

...А через месяц Костя стоял на поле стадиона и смотрел, как торжественно несут два его знамени перед построенными войсками. Рядом с Костей находились мама и брат, здесь же был и подполковник Ивашкин с другими командирами. Леня что-то говорил, но Костя не понимал, он лишь слышал чеканящий шаг воинов и тугое биение знамен на ветру.

Потом к микрофону вышел генерал-лейтенант Климентьев и начал читать указ Президиума Верховного Совета СССР. Над замершим стадионом громко летели слова:

— За сохранение двух полковых знамен частей Красной Армии в период немецкой оккупации города Киева наградить школьника Кравчука Константина Кононовича орденом боевого Красного Знамени.

Косте тоже предложили подойти к микрофону. Он совсем было ступешался, но как только очутился перед микрофоном, преодолел робость и крикнул:

— Нашей родной и любимой армии — ура!

К дому он возвращался, сжимая в руке коробочку с орденом. Очень хотелось надеть его сразу же, да не решился.

— Ты что! Твой же орден, — говорил Леня. — Давай прикреплю.

— погоди немножко.

— Да что с тобой! — горячился брат. — Я бы на твоём месте...

Костя смущенно улыбался.

— Мам, — говорил Леня, — ну хоть ты ему скажи. Чудной какой-то...

— Он просто волнуется, — отозвалась Мария Фоминична.

А Костя шел и смотрел все с той же смущенной улыбкой на прохожих, на воробьев, купающихся в луже, на каштаны, которые уже цвели.

СОДЕРЖАНИЕ

Бой на пляже	3
И еще столкновение	9
Черные стрекозы	15
Человек в клетчатой кепке	22
Песня	32
На баррикаде	37
Отвоевался	45
Осколки	57
Мы еще вернемся	62
Первый день оккупации	69
Разные стороны «нового порядка»	76
На пустыре	92
События, события...	97
Беглец	104
Листовки	108
На кладбище машин	115
Переселение	120
Под конвоем	125
У бабушки Лизы	129
Спасенные знамена	138

ИБ № 3253

Для среднего школьного возраста

Олег Николаевич Тихомиров

В ТУ ПОРУ СУРОВУЮ В КИЕВЕ...

Редактор Л. Лузянина

Художник И. Ушаков

Художественный редактор Т. Санкина

Технический редактор Р. Сиголаева

Корректоры Г. Трибунская, Н. Самойлова

Сдано в набор 25.09.81. Подписано в печать 04.01.82. А03201.
Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 3. Гарнитура
«Школьная». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,3. Учетно-изд.
л. 6,3. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1583.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцевская, 21.

